

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ АНТОНОВ
РУБЛЕВКА

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Антонов

Рублевка

«АСТ»

2013

Антонов С. В.

Рублевка / С. В. Антонов — «АСТ», 2013 — (Метро)

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Когда-то давно империя Древнего Египта правила половиной мира. По приказу его правителей, объявленных живыми богами, воздвигались монументальные постройки и гибли сотни тысяч человек. Прошли века и тысячелетия, Землю опалил ядерный огонь Последней Войны. Но даже ему оказалось не под силу изменить природу человека. И вот уже на Рублевском шоссе, словно в насмешку над всей историей человечества, возвышается пирамида, а чванливые миллиардеры, звезды шоу-бизнеса и прочие вчерашние хозяева жизни вынуждены склонить голову перед волей нового фараона...

© Антонов С. В., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Тропой ложных солнц	14
Глава 1. Казнить нельзя помиловать	14
Глава 2. Дорогомиловский Дворник	22
Глава 3. Крысиный король[1]	29
Глава 4. Стук	34
Глава 5. Испорченный пассажир	40
Глава 6. Ареал обитания	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Антонов

Рублевка

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«...Фараон правил государством с помощью постоянной армии и милиции, или полиции, а также множества чиновников, из которых постепенно создавалась родовая аристократия. Он именовался законодателем, верховным главнокомандующим, самым богатым землевладельцем, верховным судьей и жрецом и даже сыном богов и богом...»

Болеслав Прус. «Фараон»

Пролог

2013 год. Рублево-Успенское шоссе. Элитный поселок Жуковка.

Сонную тишину усадьбы, занимавшей целый гектар территории поселка, нарушало только нежное стрекотание поливочных механизмов, исправно осыпавших изумрудную траву алмазами водяных капель.

Казалось, жизнь здесь замерла. Застыла в классических геометрических формах, которым отдавали предпочтение архитекторы, спроектировавшие сам особняк и другие постройки.

Дом, возвышавшийся в центре усадьбы, был начисто лишен псевдоготических башенок, шпилей и прочих излишеств, которыми грешили соседские особняки. Здесь во главу угла были поставлены строгость и простота. Четырехскатная, крытая красной черепицей крыша, белые стены и большие прямоугольные окна не придавали, как следовало бы ожидать, трехэтажному зданию тяжеловесность и мрачность. Строителям удалось найти тонкую грань, отделяющую аристократизм от безвкусицы.

Дорогие материалы, использованные для возведения особняка, не перли здесь наружу, а гармонично вписывались в общую картину.

Это же железное правило касалось всего, что размещалось на территории усадьбы – одноэтажных надворных построек, большого круглого бассейна, отделанного по периметру плитami каррарского мрамора, квадратных цветочных клумб, выстроившихся вдоль подъездной дорожки плодовых деревьев и трехметрового забора из декоративного красного кирпича, на гребне которого, в нишах кованой решетки, виднелись белые головки камер видеонаблюдения.

Единственным строением, вносившим некоторый диссонанс в четкий порядок этого райского уголка, была обросшая строительными лесами махина, располагавшаяся на периферии. Удаленность сооружения от остальных зданий наводила на мысль о его особой роли. Однако темные полимерные сетки надежно скрывали от любопытных глаз контуры строения, достигавшего в высоту тридцати метров. Таинственную стройплощадку зачем-то окружали ряд мощных прожекторов.

Солнце скатывалось за горизонт, когда створки стальных ворот бесшумно разъехались в стороны. На подъездную дорожку величественно вкатился черный автомобиль с тонированными стеклами. Машина не имела марки, поскольку была сделана по спецзаказу, а на хищно выгнутой решетке бампера вместо эмблемы фирмы-производителя сверкали хромированные буква «R» и «S» – инициалы владельца этого чуда автодизайна.

В автомобиле прослеживалась и монументальность ЗИСов, на которых разъезжали чиновники советской эпохи, и изящная плавность линий, присущая дорогим иномаркам последних моделей, и царственный аскетизм.

Машина не проехала к крыльцу особняка, как это бывало всегда, а остановилась на середине дорожки. Все пришло в движение. Из своей стеклянной будки у ворот вышел и замер по стойке «смирно» рослый охранник в черном. Два его собрата, предупрежденные о приезде хозяина, появились на крыльце, застыв по обе стороны входной двери. А у забора словно из-под земли выросла парочка дюжих ребят с овчарками на поводках.

Первым из автомобиля выбрался человек в черном френче со стоячим пасторским воротником. Темные глаза его резко контрастировали с бледной, словно никогда не видевшей солнца кожей лица. Длинные волосы цвета воронова крыла были разделены аккуратным пробором. Узкое, окаймленное короткой бородой лицо, изящной формы нос с горбинкой делали мужчину похожим на орла, хищную птицу, камнем падающую на добычу с небес. На указательном пальце средней руки он вертел нож странной формы. Длиной пятнадцать сантиметров, он имел четырехгранное лезвие и напоминал формой рыбу, туловищем которой была круглая рукоятка с продольными проточками, а хвостом – массивное кольцо.

Передвигаясь странными рывками, неестественно широко расставляя ноги, он сделал несколько шагов и остановился у пассажирской дверцы. Вслед за ним автомобиль покинули два парня в деловых костюмах, с характерными вздутиями под мышками. Как и первый пассажир, они внимательно осмотрели двор. Потом один кивнул бледнолицему, а тот наклонился к окну машины.

Рамзес Садыков появился лишь после того, как обменялся парой слов с начальником охраны Умаром Ахмаевым.

У главы крупного концерна, входящего в десятку самых влиятельных структур военно-промышленного комплекса, было много врагов и осторожность стала для него нормой жизни.

Выглядел олигарх очень экстравагантно. В первую очередь из-за своего наряда, никак не вязавшегося с положением Садыкова в обществе. Он просто ненавидел строгие деловые костюмы и одевал их лишь в исключительных случаях. Сейчас на Рамзесе Хасановиче была серая рубашка поло, тертые джинсы и белые кроссовки. Подчеркнутая небрежность в выборе одежды хоть и давно стало визитной карточкой Садыкова, но до сих пор смущала его деловых партнеров.

На их замечания о форме, которая должна была соответствовать содержанию, он с улыбкой отшучивался:

– Когда Александру Третьему, удившему рыбу в Гатчине, напоминали о встречах с иностранными послами, самодержец замечал «Европа может и подождать».

Годы, проведенные в боях за восхождение к сверкающим вершинам богатства и власти, оставили на миллиардере свой отпечаток. Садыкову было пятьдесят три, но выглядел он несколько старше своего возраста. Сквозь седые, стриженные ежиком волосы просвечивала внушительная, испещренная глубокими морщинами лысина. Полное, круглое лицо венчал двойной подбородок. Серые глаза, не имевшие характерного восточного разреза, смотрели на мир без особого интереса, а изгиб пухлых губ, застывших в вечной саркастической ухмылке, свидетельствовал о том, что Рамзеса трудно чем-либо удивить.

Под сорочкой поло угадывалось объемистое брюшко, которое в сочетании с короткими волосатыми руками и ростом под метр семьдесят придавало Садыкову сходство с опереточными толстосумами, продолжателями дела Гарпагона и Скупого рыцаря.

На самом деле большие деньги не испортили Рамзеса Хасановича. А может, их было слишком много даже для того, чтобы пробудить в душе миллиардера зачатки жадности. Он охотно занимался благотворительностью, вкладывался в различные проекты культурного и просветительского толка, строил храмы и больницы.

Меценатство Садыкова снискало ему добрую славу и даже столичные журналисты, которые никогда не прощали богачам их неумеренных трат, не склоняли Рамзеса за его чудачества вроде покупки острова в заповедном уголке планеты или финансирование экспедиции, которая должна была отыскать мифический артефакт.

Как только нога Рамзеса ступила на подъездную дорожку, послышалось тарахтение. Из-за строения, укрытого полимерной сеткой появился гольф-кар, которым управлял худосочный очкарик лет сорока пяти в оранжевом комбинезоне и белой каске. Выглядел архитектор Руслана Коробцов хмурым и потерянным. Он затормозил у подъездной дорожки, помялся и, наконец, выдал:

– Нам пока не удалось локализовать грунтовые воды, но фрески на втором уровне, смею заверить, удались на славу.

Садыков слушал архитектора вполуха. Он смотрел на дорожку, по которой вприпрыжку бежала девочка лет пяти. Маленькая принцесса в белом летнем платьице с большими бантами, вплетенными в светлые кудряшки.

– Дядя Рамзес! Дядя Рамзес!

– Опять задержка, господин Коробцов? Насколько я помню, третья за последний месяц.

– Но...

– Я не раз повторял вам любимую фразу графа Монте-Кристо: не ограничиваю вас в расходах, но ограничиваю во времени.

– Да, я помню, Рамзес Хасанович, – закивал головой архитектор. – Помню, но...

– Достаточно с меня ваших «но», – отрезал Садыков, поворачиваясь к Коробцову спиной. – Вы уволены!

Архитектор застыл с разинутым ртом, а его бывший босс уже обращался к Ахмаеву:

– Устал я что-то. Да и предчувствия какие-то нехорошие. Вроде все нормально, а на душе кошки скребут. Черти знает, что... Может магнитные бури?

– Ты не слишком спешишь, Рамзес? Коробцов – ценный работник...

– Гм... И твой дружок. Может, и спешу, Умар. Может, и спешу, но своих решений не меняю.

Олигарх наклонился, подхватил подбежавшую девчущку на руки.

– Ну и какие новости у моей Танюшки?

– Я читаю книжечку! – захлебываясь от переполнявших ее чувств, заверещала малышка. – Она такая интересная!

– Что ж, умничка. И как называется твоя книжечка?

– «Три мушкетера»!

Рамзес и улыбался-то редко, но тут захохотал так громко и заразительно, что к нему присоединилась вся свита. Только через пару минут, он остановился и вытер выступившие на глазах слезы.

– Танечка, а не рано ли тебе такую книжку читать?

– Не рано! Не рано! – заверещала девочка. – Там Атос, Портос, Арамис и... Этот...

– Д'Артаньян?

– Правильно! Д'Артаньян!

На крыльце олигарх остановился, посмотрел на полоску багрового заката, обернулся к сопровождавшему его Ахмаеву.

– Скажи, Умар: меня хоть раз подводила интуиция?

– Не припомню такого, Рамзес-да, – начальник охраны сверкнул белозубой улыбкой.

– Вот и я о том же. Поэтому говорю: жди больших неприятностей.

Когда Садыков и Ахмаев вошли в дом, один из охранников позволил себе шевельнуться.

– Жди неприятностей. Вот оно как. Он так полагается на свою интуицию словно способен предсказать Конец Света. Хм... Тоже мне пророк.

Охранник осекся и округлил глаза, поняв, что поспешил со своим едким замечанием.

На крыльцо вернулся Умар. Несмотря на проблемы с ногами, из-за которых его прозвали Пауком, Ахмаев при желании передвигался на удивление быстро и славился способностью появляться неожиданно там, где его не ждали.

– Не знаю, как насчет Конца Света. Его я вряд ли могу предвидеть. Зато точно знаю, что тот, кто попусту треплет языком, рискует остаться без работы.

Умар исчез, оставив погрузневшего охранника, размышлять над своим проколом. Усадьба вновь погрузилась в сонное спокойствие, нарушенное появлением хозяина. Укатил на свой объект архитектор-очкарик. Превратились в невидимок вышколенные охранники.

Наступил вечер. Багровая полоска заката растворилась в сумерках. Небо оккупировали тучи, скрывшие так и не успевшую взойти луну. В разных уголках двора загорелись, снабженные фотоэлементами лампы. Засветились окна дома. И лишь громада загадочной стройки оставалась темной.

Ближе к полуночи усилился ветер. По кронам деревьев пронесся похожий на стон тревожный шелест листьев. А потом где-то вдалеке послышались хриплое ворчание грома. Мигнули и погасли лампочки. Все утонуло во мраке. Нервно, надсадно завывала собака. Ее испуган-

ную жалобу заглушил новый раскат грома. За ним последовала ослепительная вспышка света. Слишком яркая, для того, чтобы быть обычной молнией...

* * *

2013 год. Элитный поселок Барвиха.

Вертелись лопасти вентиляторов. Снабженные специальными фильтрами, они нагнетали в подвал безвкусный, сухой, но чистый воздух. Не меньше двадцати ламп, закрепленных на стенах и потолке освещали помещение, площадь которого было трудно определить из-за множества загромодивших подвал предметов.

– Не понимаю! Отказываюсь понимать! От-ка-зы-ва-юсь! Слышите вы?!

Мужчина лет пятидесяти с длинными рыжеватыми волосами и черными усами кричал так, что порой полностью заглушал рокот дизельного генератора. Он ходил от стены к стене с видом в запертого клетке тигра и, время от времени, театрально вскидывал голову к потолку, словно собираясь завывать на луну. На мужчине был дорогой спортивный костюм «Dolce&Gabbana». Белый, с ассиметричной черной полосой и двумя красными кленовыми листьями он выглядел нелепым среди скопления картонных и деревянных ящиков, занимавших большую часть помещения.

Соперничать в нелепости с костюмом черноусого мог только усыпанный блестками пиджак еще одного мужчины – блондина с дородным лицом и полными аристократизма движениями. Он подошел к огромному, во всю стену морозильнику, раскрыл его, взял одно яйцо из огромной пирамиды гофрированных упаковок. Разбил скорлупу щелчком пухлого пальца и одним глотком проглотил содержимое. Небрежно отшвырнул пустую скорлупу, помассировал себе кадык.

– О-о-о! А-а-а! О-о-о-о! Отцвели уж давно-о-о-о! Стоп. Так. О-о-отцвели-и-и-и! Чего ты не понимаешь, Николай?

– Ничего не понимаю! – взвизгнул черноусый. – Я певец! У меня концерты запланированы на год вперед! Меня ждут в Омске, Новосибирске и Чите! А вместо этого я должен сидеть в подвале четырьмя придурками и ждать невесть чего! Нет, дорогие мои. Вы как хотите, а я еду в Москву! Прямо в Кремль! Немедленно! И плевать мне на сказки о радиации!

– Ну, насчет певца я бы поспорил, – ухмыльнулся блондин, поправляя шейный платок. – Твое время закончилось лет двадцать назад. А что касается Москвы – езжай. Может, сдохнешь еще по дороге к гаражу и избавишь нас от своих истерик.

– А ты, Игорек, что предлагаешь? – прошипел обладатель дольчегабанского костюма. – Еще месяц сидеть здесь? Жрать, спать и смотреть на ваши тупые рожи?

– Почему только жрать и спать? Можно поддерживать форму. Раз уж ты вырядился в спортивное, можешь позаниматься. Вон там, в углу есть отличный тренажер. Я вот тоже певец, а в отличие от тебя не теряю присутствия духа. Все образуеться, Николаша. Со временем.

– Тренажер! Тренажер! О Боже!

Черноусый с такой силой рванул себя за волосы, что отхватил приличную прядь и лишь после этого замолк.

– А почему молчит наш генерал? Он-то должен знать, когда закончится эта, мать ее так, ядерная зима.

Вопрос задал невысокий смуглокожий молодой человек в солнцезащитных очках. Он лежал на раскладушке, заложив руки за голову и смотрел в потолок. Из одежды на парне были только широкие джинсы с ремнем, имевшим невероятных размеров пряжку. Недостаток одежды с лихвой восполнялся многочисленными татуировками, покрывавшими, казалось, каждый квадратный сантиметр кожи.

Генерал ответил не сразу. Он склонился над бильярдным столом так, что была видна только его заслуженная лысина и пытался совладать с кием, который упорно попадал куда угодно, но только в шар. Причиной промахов, наверняка была бутылка марочного коньяка, уже наполовину пустая.

Удар. Кий с треском врезался в борт бильярдного стола. Генерал смачно выругался и отшвырнул кий. Это был невысокий грузный мужчина лет шестидесяти. Большую часть лица его занимали сильно отвисшие щеки. Глаза и нос просто терялись в них, а мясистый подбородок выглядел только дополнением к щекам. Свой китель генерал накинул прямо поверх майки, открывавшей его покрытую седыми волосами грудь.

Вояка неприязненно посмотрел на компанию. Наполнил коньяком рюмку и опорожнил ее глотком профессионального алкоголика.

– Почему не отвечаю? Я, боевой генерал Арсентий Хватко не обязан отвечать какому-то пидору в наколках! Хватит и того, что вы живете в моем подвале! На пушечный выстрел таких бы уродов не подпустил к дому, кабы не это...

– Успокойтесь, ради Бога, Арсентий Лукич, – заискивающе попросил блондин. – Мы не хотели вас расстраивать. Просто все это нам порядком надоело. Сами понимаете: люди мы творческие, артисты, без публики не можем. Ну и, конечно, хотелось бы узнать, когда все это закончится.

– Никогда! – Хватко швырнул китель на бильярдный стол, снял с вешалки на стене про-резиненный плащ с капюшоном. – По крайней мере, никто из нас до этого времени не доживет. Ядерная зима, дурни вы мои, может длиться десятилетиями. Положим моих запасов еды, воды и топлива нам хватит на год. Положим еще что-то мы раздобудем в соседних особняках. А дальше... Даже я не знаю.

Наблюдая за тем, как генерал натягивает противогаз, блондин поинтересовался.

– Вы на верхнюю террасу?

– Ага. Свежим воздухом, ха-ха-ха, подышать.

– Я с вами!

– И я! – поддакнул черноусый.

– А нас и здесь неплохо кормят, – парнишка в неуместных для подвала солнцезащитных очках перевернулся на другой бок. – И ядерная зима, и вся эта кутерьма. И подвалы, и еда, и мосты, и города...

– Идиот! – пожал плечами генерал, направляясь к массивной стальной двери подвала. – Прав был все-таки Господь, затеявший на этой гребаной Земле генеральную уборку.

Троица поднималась вверх по деревянной лестнице, на которой даже ступени были полированными. Генерал шел первым. Дверь, ведущую на первый этаж дома, он открыл с опаской и немного помедлил, прежде чем войти. Певцы за его спиной замерли в напряженном ожидании и были готовы сигануть вниз в любую секунду.

Хватко шагнул в дом. Нащупал выключатель. Вспыхнувшие лампы осветили следы поспешного отступления. Часть вещей валялась на полу, картины висели криво, ковры были скомканы, а кресла опрокинуты.

Не задерживаясь, генерал поднялся на второй этаж, где тоже царил бардак. Теперь от внешнего мира людей отделяла только стеклянная дверь.

Арсентий Лукич взялся за ручку и после традиционного ожидания распахнул дверь. Ворвавшийся в комнату ветер взметнул занавески.

Генерал уже вышел на террасу, а его спутники, напоминая в своих противогазах парочку испуганных слоников еще долго переглядывались, прежде чем последовать за Хватко.

Вцепившись в перила ограждения с такой силой, словно боялся выпасть вниз, генерал смотрел на безрадостный пейзаж, некогда бурливший весельем Барвихи. Плотные облака

серого тумана плыли над землей. Они то скрывали, то вновь открывали взору детали померкшего великолепия.

Большая часть особняков сохранилась, отделавшись выбитыми стеклами, да незначительными повреждениями. Ветер гнал по безлюдным улицам и пустынным подъездным дорожкам обрывки бумаги и прочий легковесный мусор.

Рассыпанные там и тут яркие, разноцветные пятна шикарных автомобилей, словно пытались дать бой опустившемуся на мир серому пологому. Однако было очевидно: сопротивление будет быстро подавлено.

В отличие от генерала, взгляд которого скользил по поселку, оба артиста уставились на едва различимые в серой дымке контуры ребристого здания концертного зала «Barviha luxury village».

Поначалу Хватко встревожили незнакомые звуки, которые не вписывались в фоновый шум ветра. Он осмотрелся и нашел их источник. Оказалось, что певцы совместными рыданиями отпевают рухнувший мир.

* * *

2023 год. Элитный поселок Подушкино.

Как ни старались хозяева дома скрыть заложенные кирпичом окна, задвигая их шкафами и драпируя порттьерами, красная кирпичная кладка все равно бросалась в глаза. Да и другие попытки вернуть быту хотя бы налет его прошлой привлекательности, терпели фиаско. Мраморная каминная доска треснула. Изящным керамическим фигуркам на ней пришлось поступиться своим аристократизмом и терпеть рядом с собой присутствие каких-то совсем уж облезлых кружек-тарелок. Из дизайнерской люстры под потолком были вывинчены все, за исключением одной лампочки – на электричестве, как и на всем остальном теперь приходилось экономить.

Тусклый ее свет придавал помещению дополнительное уныние, а лицам людей – безжизненность.

Матвей Сергеевич Хохлов наклонился над журнальным столиком и морщил лоб, силясь понять причину, по которой у него не сходился пасьянс. Он ерошил заметно поредевшие седые волосы, пальцами, на которых поблескивали золотые перстни и что-то бормотал себе под нос. Узкое лицо его, как и поджарая фигура делали бывшего главу одной из самых влиятельных комиссий государственной думы похожим на породистую гончую. А вот глаза уже утратили прежний блеск. Их грустный взгляд свидетельствовал о том, что гончая окончательно и бесповоротно потеряла след.

Стараясь хранить хорошую мину при плохой игре, Матвей Сергеевич каждое утро брился, наряжался в костюм и выходил к завтраку тщательно повязав галстук.

Жена Хохлова, в прошлом знаменитая гимнастка сидела в кресле, уставившись в черное чрево камина. Пальцы рук ее безостановочно теребили лист бумаги. То сворачивали его в трубочку, то вновь расправляли. Даже без макияжа, в простом сером свитере и тертых джинсах женщина была очень красивой. В черных глазах ее по-прежнему плясали неугомонные искорки, а складки у губ придали лицу не только твердость, но и дополнительную привлекательность.

– Гульнара, ты не могла бы оставить эту бумажку в покое? – раздраженно воскликнул Хохлов. – У меня тут...

– Почему нельзя растопить камин, Матвей?

– Потому, дорогуша, что пора забыть о барских замашках! Мои люди уже собрали дерево со всей округи.

– Можно сходить в лес.

– Да! И принести оттуда какую-нибудь радиоактивную гадость. Хватит пороть чушь, лучше сходи в подвал и посмотри, чем мы сегодня будем обедать!

– Ни в какой подвал я больше не пойду. Тебе не сделать из меня кухарку.

– Тогда голодай!

– И голодать я не стану, – Гульнара встала и швырнула на стол мужу мятый лист. – Прочти.

Хохлов, поморщившись взял лист, близоруко сощурился.

– Гм... Воззвание. Интересно, что придумал на этот раз выскочка Рамзес. Воззвание. Ага. Жители Рублевки... Ну-ну. Только вместе мы сможем не просто выжить, а вернуться к привычной нам жизни... Совместными усилиями мы построим на руинах... Гуля, я не стану читать эту чушь и примерно накажу того, кто посмел принести в мой дом филькину грамоту!

– Это – не филькина грамота. В Жуковку идут все наши. Садыков прав: шанс на возрождение былого величия Рублевки появится, если мы объединимся. Порознь у нас ничего не выйдет.

– У меня выйдет! – Матвей вскочил, скомкал воззвание и швырнул его в камин. – Кто такой этот Садыков? Генералишка, создавший себе имя и состояние на торговле оружием! А я – Хохлов! Я политик! Мы держали в кулаке всю Россию! К нашему мнению прислушивались западные и заокеанские акулы! Такие как твой Рамзес, ловили каждое наше слово... Скажи мне на милость, Гулечка, почему я должен идти на поклон к Садыкову? Почему я должен отдавать под его начало своих людей и свои ресурсы?

– Потому, Матюша, что он сильнее. Новое время – новые лидеры.

– К черту новых лидеров! Я сам, без посторонней помощи прекрасно вписался в новое время. Пока Хохлов жив, никто из Подушкино не уйдет! Только через мой труп!

– Если вы настаиваете...

Матвей Сергеевич обернулся на звук передернутого затвора. У двери, ведущей в подвал, стоял его личный шофер и телохранитель. Ствол его автомата был направлен хозяину в грудь. На согнутой руке висели костюм химзащиты и противогазная сумка, явно предназначенные для Гульнары.

– Ты? П-п-почему?

– Потому, Матвей Сергеевич, что ваша жена права. Здесь мы не живем, а выживаем. Медленно, но верно превращаемся в крыс. А настоящая жизнь строится в Жуковке. Садыкову удалось даже наладить полноценную связь с Метро. Будущее – за ним. Многие уже поступились своими амбициями. Пришел и наш черед. А еще, господин Хохлов, потому, что мне надело заправлять ваш генератор и выносить за вами дерьмо.

– А еще потому, что ты спал с моей женой! Прочь! Прочь из моего дома! Оба! И не забудьте передать Рамзесу, что Хохлов на него чхал!

Через полчаса, полностью осознав, что произошло, Матвей Сергеевич с яростным рычанием ударом ноги перевернул журнальный столик. Карты рассыпались по полу.

– Ни за что! Ни за что!

* * *

2025 год. Элитный поселок Раздоры

Чтобы разложить карту на том, что когда-то было письменным столом, пришлось очистить его от пробившихся через трещины в столешнице колючих побегов сорняков. Человеку в защитном костюме и противогазе пришлось воспользоваться для этого десантным ножом. Не успел он склониться над картой, как в комнату через пролом в стене пролез его подчиненный.

– Все чисто, командир, – отпартовал он. – Только десяток трупов недельной давности, куча крыс...

– Не томи, капитан. По голосу слышу! – командир достал из сумки черный маркер. – Кроме трупиков и крыс разве ничего интересного?

– Есть интересное, господин полковник, – кивнул капитан. – Поймали мы предводителя раздорских. Не подох. Только рассудком малость повредился. В подвале, сучонок, прятался. Эй, парни. Тащите этого клоуна сюда.

Пара солдат протолкнули через пролом мужчину без противогаза. На нем был замызганный черный костюм, одетый на голое тело и одна туфля. В седых, кое-как остриженных волосах и усах, нависавших над полными губами, запутались клочья паутины. Едва оказавшись в комнате, мужчина шлепнулся на задницу, поджал колени и, обхватив их руками, затих.

– Ну и чем тебе не угодил Жуков? – поинтересовался полковник. – Вы ж без нас тут все передохли.

– Вы еще ответите! – промычал губастый. – Вы не знаете, с кем связались! Я – медиа-консультант Весновский!

– Слышь ты, медиаконсультант, – капитан пнул мужчину сапогом под ребра. – Из-за тебя раздорские все запасы свои сгноили и от голода умерли. А ты выжил только потому, что своих братков, которых на независимость подбивал, жрать потом начал.

– У меня не было другого выхода, – в глазах губастого появились признаки возвращения к реальности. – Ваши жуковские меня все равно бы не приняли. Я ведь не элита, а простой белорусский парень... Я – мужик белорус, пан сохи и косы. Белы сам, чорны вус, пяди з две валасы...

– О чем это он? – пожал плечами полковник.

– Этот полупокер у Лукашенко то ли радио, то ли телевидением заведовал. Потом в Россию слинял. Сначала в Питере ошивался, потом здесь...

Свой рассказ капитан закончить не успел. Медиаконсультант вдруг резко вскочил и рванулся к прислоненному к стене «калашу».

– Я вас узнал! Оппозиция! Наймиты Запада-а-а-а!

Грохнул выстрел. Во лбу Весновского появилась дыра. Он упал на спину, пару дернулся и затих. Капитан сунул пистолет в кобуру.

– Сволочь...

Полковник, наконец, смог заняться своей картой, населенные пункты на которой были обведены красными и черными кружками. Он обвел черным маркером точку «Раздоры»

– Так-с. Будем считать, что и здесь у нас зачищено...

Часть первая. Тропой ложных солнц

Глава 1. Казнить нельзя помиловать

Руки, коснувшиеся лица Юрия Корнилова были мягкими, теплыми и могли принадлежать только одному человеку – Людмиле. Еще не успев, как следует проснуться и открыть глаза, Корнилов почувствовал сильное возбуждение. Шелковистые, пахнущие какими-то цветами волосы щекотали щеку Юрия.

– Милый, милый, – шептала женщина, засовывая руку под одеяло. – Милый, милый...

Корнилов открыл глаза. Он лежал на кровати в небольшой, но уютной комнатушке. Такие выделяли только заслуженным офицерам Ганзы. Здесь было все, что необходимо для комфорта в условиях Метро: небольшой стол, книжный умывальник, овальное зеркало на стене и удобное полукресло. Настольная лампа под синим абажуром была единственным осветительным прибором.

Юрий не слышал, как вошла возлюбленная – у Людмилы был свой ключ.

– Люда. Людочка!

Корнилов попытался сбросить с себя наваждение и вырваться из объятий.

– Мне же на дежурство. Ты знаешь...

– Знаю. Все знаю. Но еще есть двадцать минут...

– А где твой?

Юрий собрал всю волю кулак и все-таки выбрался из-под одеяла. Сел на кровати, снял со спинки стула гимнастерку. Людмила обиженно фыркнула.

– Мой. Думаешь, он интересуется женой? Шляется где-то. Вот я и заскочила на пару минут. Может я тебе надоела?

– Разве не замечаешь, что мы перестали быть осторожными? – Корнилов натянул галифе, подошел к умывальнику и плеснул в лицо тепловатой, пахнущей ржавчиной водой. – Теряем голову, Люда. Димка не дурак и когда он все узнает...

От стука в дверь, Корнилов дернулся.

– Кто там?

– Не забыл, что тебе заступать?

– Помню. Иди к чертовой матери!

Юрий с облегчением вздохнул. Черт бы побрал эту любовь! Он ожидал, что услышит за дверью голос мужа Людмилы и своего друга Димки Сомова. Но это был не он. Напомнить Корнилову о дежурстве приперся Павел. Обошлось. На этот раз.

Юрий закончил туалет. Подпоясавшись портупеей и обернувшись к Людмиле.

– Я пошел. Выждешь минут пять.

Получив в ответ недовольное фырканье, Корнилов осторожно приоткрыл дверь и вышел, когда убедился, что поблизости никого нет. Он шел по платформе привычным маршрутом. Машинально кивал знакомым и напряженно думал.

С этим надо что-то делать. Он действительно потерял голову, а очень скоро может потерять ее в прямом смысле. Пора заканчивать этот роман. Он уже не мог смотреть в глаза Димке.

Не мог, но как только вошел в сторожевую будку, сразу спросил о Сомове.

– Жenu побежал разыскивать, – зевнув, ответил напарник. – Наш Шпик сегодня точно не с той ноги встал. Дерганный он какой-то. Чайку, Корнилов?

Димка Сомов очень обижался, когда его называли Шпиком. Дело в том, что офицер Ганзы имел однофамильца на Красной Линии. Тоже офицера, во время войны потрепанного «кольцевикам» немало нервов.

Корнилов отхлебнул чая и, обжегшись, отставил жестяную кружку в сторону.

– Что нового?

– Да ничего. В картишки?

– Хрен с тобой. Сдавай!

Юрий проиграл напарнику несколько партий в «дурака», поскольку даже не видел мастей. Он в очередной раз тасовал колоду, когда дверь в «дежурку» распахнулась. На пороге стоял Сомов. Рослому мужику с широченными плечами и внешностью древнего викинга очень шла форма Ганзы. Он был гораздо красивее остальных офицеров станции. Юрий не понимал, почему Людмила решила завести себе любовника. С жиру, что ли бесилась?

Сомов смотрел на Корнилова так, словно собирался его проглотить.

– Нам надо поговорить. Знаешь о чем?

Юрий собирался пожать плечами. Сказать, что не в курсе, но посмотрев в глаза Димке, понял: тот все знает.

– Догадываюсь.

– А раз догадываешься...

Ладони Сомова сжались в кулаки. Корнилов остался сидеть, несмотря на очевидную угрозу схлопотать в челюсть. Пусть бьет. У обманутого мужа есть полное право начистить рожу любовнику жены.

Ударить Сомов не успел. За его спиной появился пограничник, что-то прошептал на Димке на ухо. Тот изменился в лице. Да так, что Юрий сразу понял – произошло непоправимое.

Сомов развернулся и побежал. Корнилов рванулся следом.

Несколькими минутами позже муж и любовник стояли над телом Людмилы и тупо смотрели на лужи крови, растекшиеся по мраморным плитам. В голове Корнилова все смешалось.

– Я... Я только поговорил с ней, – сдавленным голосом сказал Димка. – Ну, о том, что все знаю. Потребовал объяснений. Зачем она так, а Юрец?

Корнилов оторвал взгляд от кровавой лужи, посмотрел на Сомова. У тебя, парень, крыша поехала? Кому вопросы задаешь?

Юрия так и подмывало расхохотаться. Может быть, истерика помогла бы хоть немного сгладить ситуацию, не позволить ей окончательно выйти из-под контроля. Однако Сомов вдруг схватил его за плечо, резко развернул на сто восемьдесят градусов. Потасил за собой, через толпу любопытствующих и сочувствующих.

Корнилов смог говорить только когда Димка толкнул его с платформы на стальную, ведущую в туннель лестницу.

– Что ты собираешься делать?

– А что твою мать, делают в таких случаях офицеры?! – рука Сомова с треском расстегнула кобуру. – Стреляться, сука, будем! Теперь уж точно одному из нас не жить!

Стреляться? Ах, да. Задето не только самолюбие мужа. Есть еще честь офицера. Позор смывается только кровью.

Корнилов почувствовал, что стальные тиски на его предплечье разжались. Сомов уже успел отойти метров на тридцать, остановился и поднял «макаров».

– Что стоишь, Корнилов?! Пистолет! Доставай пистолет!

Юрий действовал, как робот, который послушно выполняет все приказы. Расстегнул кобуру. Поднял пистолет.

Два выстрела прозвучали почти одновременно, эхом отразились от свода туннеля. На первый взгляд ничего не произошло. Дуэлянты так и остались стоять друг напротив друга. Вдруг Сомов выронил свой «макаров», рухнул ничком и больше не двигался.

– Дима?

Юрий бросился к Сомову, перевернул его. Бурое пятно крови, расплывшееся на серой гимнастерке в области сердца, свидетельствовало о том, что Корнилов не теряет меткости даже в стрессовой ситуации.

Юрий еще пытался привести Дмитрия в чувство, когда его схватили несколько дюжих пограничников...

Между лязгом дверного засова и вспышкой нестерпимо яркого света прошло слишком мало времени. Юрий Корнилов не успел подготовиться к неожиданному визиту и слишком поздно прикрыл глаза ладонью. Резкое движение вызвало мучительный кашель, прошедшийся по горлу наждачной бумагой. А хрена ты хочешь? Здесь не только темно, но и достаточно сыро, а неделя вполне приличный срок для того, чтобы подхватить простуду.

Корнилов встал с деревянного поддона, заменявшего ему кровать. Убрал ладонь от глаз. В дверном проеме стоял человек в камуфляжной форме с серыми разводами и лихо сдвинутом набок кепи. Позади него виднелись еще двое – крепкие парни, вооруженные короткоствольными автоматами.

Первого Юрий узнал сразу. Это был начальник охраны станции и старинный дружок Павел. Почему он прячет в глаза? Ага. Принес дурные новости, что, впрочем, само по себе новостью для Корнилова не было. Приговор ему зачитали три дня назад. В Ганзе свято относились к долгам и счетам. Пришел его черед платить. Око за око. Труп за труп. Простая арифметика.

Сейчас его отведут куда-нибудь подальше от станции, поставят мордой к стене и влепят пулю в затылок. Ганза не то место, где можно безнаказанно нарушать раз и навсегда заведенные правила.

– Здорово, Юрка, – тихо, с нотками сочувствия произнес Павел.

– И тебе не хворать, Павлуха. Пора?

– Ну... Да. Пойдем. У нас мало времени.

Вот как? Уж это как для кого, Павлуша. Ты бережешь время, хоть у тебя его от пуза. Куча дел и приличествующих положению развлечений. А мне его беречь незачем. Часом раньше, часом позже...

Корнилов вышел в туннель. Расправил плечи, приосанился. Выглядел он как любой среднестатистический славянин, подобравшийся к сорокалетнему рубежу. Заурядное лицо. Жидкие белесые волосы, покатый лоб с уже обозначившимися морщинами и извилистым белым шрамом над правой бровью – напоминаем о бурной юности. Серые его глаза были слегка прищурены, а узкая переносица и широкие ноздри придавали лицу утиный вид. Среднего роста, он Юрий уже начал едва заметно обрастать жирком, но все еще выглядел как ушедший на покой спортсмен.

– Вперед!

Павел поднял руку, указывая направление. Странно. Вместо того, что идти вглубь туннеля, они двинулись к станции. Хм... Круг почета перед расстрелом? А почему и нет? Он достоин такой чести за годы беспорочной службы. Делал все, что велели. Чтил Адама, мать его так, Смиа. Следил за тем, чтобы на вверенную территорию не проникли оборванцы, мечтающие откусить кусок от пирога благосостояния Ганзы. Свято верил в частную собственность и повышение производительности труда, как лучшего способа перестать беспокоиться и начать жить.

Павел немного отстал, пропустив вперед своих архаровцев-конвоиров. Вот он ответ на вопрос. Старый друг, с которым они не раз вскладчину делали ставки на крысиных бегах и коротали время за болтовней во время ночных дежурств, теперь предпочитал держаться от него подальше. Гусь свинье не товарищ. По станции его проведут лишь для того, чтобы напоследок унижить.

Пройдя полсотни метров по туннелю, процессия добралась до стальной лестницы, ведущей на платформу. Руководство решило поучить других на примере преступника, некогда занимавшего важный пост, но посмеяшего скомпрометировать сами устои ганзейского обществ.

Корнилов шел мимо параболических арок, окаймленных лепным жгутом развешанных на стенах плакатов с адамосмитовскими цитатами из «Богатства народов», белых знамен с коричневым кругом по центру, расставленных на платформе деревянных ящиков с товарами.

Бухгалтера, счетоводы и прочая купеческая живность, занятая подсчетом товаров, выручки и будущих барышей, старательно делала вид, что не замечает расстрельный кортеж. Однако Корнилов чувствовал на себе брошенные исподтишка взгляды. Чаще укоризненные, чем сочувственные. Ну и хрен с вами. Осуждайте.

Юрий гордо вскинул голову. Он никому не доставит удовольствия своим пришибленным видом. Будет вести себя, как турист во время посещения музея. Здесь есть на что посмотреть. Знакомые картины на стенах. Постоянный уход за ними приносил результаты. Краски лишь немного потускнели. Бакенбардистый автор «Медного всадника». Император Петр с саблей в вытянутой руке. Бородатый комиссар с ног до головы затянутый в черную кожу. Все было оставлено так, как было до Катаклизма. Единственное исключение – мозаичный портрет Ленина на торцевой стене. Юрий хорошо помнил, как изображение вождя пролетариата заменили портретом английского джентльмена в белоснежном парике. Текст из гимна СССР о свободном отечестве и дружбе народов закрасили, поместив поверх одно из знаменитых изречений Смита «Всякий расточитель – враг общества, всякий бережливый человек – благодетель».

Здесь это указание свято соблюдали. Бережливость, чистота и порядок перли из всех щелей. Даже штабеля ящиков с товарами, которые днем должны были отправиться на дрезинах к месту назначения, выглядели так идеально, словно были одним из постоянных украшений станции.

И вот со всем этим придется распрощаться. А ведь он воевал за этот мир. Полтора года провел в боях, командуя взводом войск Коалиции. Все пошло прахом. И прежние заслуги, и, казалось бы, непререкаемый авторитет. Он выпал из этого мира, из этой размеренной, благоустроенной жизни в тот момент, когда нажал на курок и всадил пулю в грудь такого же заслуженного ганзейского вояки Димки Сомова.

А может это произошло раньше? Еще при первой встрече с Людмилой? Не лги себе, Юрий. Все эти красоты давно тебе опротивели. Искал случая вырваться за рамки, выйти из-под контроля? Нашел, мать твою так! Супруга Дмитрия сразу произвела на тебя неизгладимое впечатление. В этом и была изюминка. Ключевое слово – чужая жена. Из-за этого ты начал ходить за ней по пятам, старался при любом удобном случае попадаться на глаза. Ведь ничего не стоило найти себе другую, никем не занятую девушку. Тогда все осталось бы на своих местах. Он делал бы карьеру. Работал бы ровно столько, сколько положено и вообще наслаждался бы жизнью. Метро – не райский сад, но быть полноправным гражданином Содружества Станций Кольцевой Линии не так уж и плохо. А он наплевал на все. Собственноручно создал любовный треугольник, который очень быстро превратился в замкнутый круг. Не мог не предвидеть, что муж рано или поздно узнает об измене. И все же пер на рожон. Не нашел в себе сил остановиться вовремя. Людмила тоже не нашла. Они забыли о том, что любовь и смерть очень часто ходят рука об руку. Отдались на волю чувств и поплыли по течению. И вот он – берег реки. Любимая, после разборки с законным супругом вскрыла себе вены, ее муж убит, а его, непосредственного виновника трагедии, ведут на расстрел.

За неделю, проведенную в сырой каталажке, он тысячу раз так и этак прокручивал в голове всю историю. Пытался понять, можно было ли что-то изменить. Если не смерти Людмилы, то хотя бы дурацкой дуэли с ее мужем.

Обратно пленку не отматаешь. Все уже случилось. Играть в «если бы» не имело смысла.

Сидя в кутузке, Корнилов впервые получил возможность без помех поразмышлять над жизнью и своим местом в ней. Раньше все было проще пареной репы. Получил приказ, щелкнул каблуками и бросился выполнять. Из всех достижений – достаточно большое число людей, которым можно было отдавать приказы. Из целей – постоянно сужать круг тех, кто приказывает тебе. И никаких заморочек. Кем бы он стал к старости? Возможно, начальником охраны не одной, а сразу нескольких станций Ганзы. Пользовался бы заслуженным авторитетом, приучал бы молодежь к дисциплине и порядку. В частности тому, что покуривать дурь можно лишь в свободное службы время. Приводил бы в качестве негативных примеров станции, жители которых из-за своей безалаберности вынуждены жрать крыс и резать друг другу глотки за кусок вонючей солонины.

Блестящая, ничего не скажешь, карьера. Он пошел по более короткому пути. Замутит интрижку с женой коллеги и пристрелил разгневанного супруга. Слово «интрижка» вдруг предстало перед Юрием во всей его пугающей простоте. Это только сразу после самоубийства, еще пребывая в состоянии шока, он думал, что не сможет жить без Людмилы. А была любовь или он ее придумал? Теперь, когда с момента смерти Людмилы прошло достаточно много времени, и головенка поостыла, стало очевидно – мир лишь немного изменился, но не перестал существовать. Парадокс? Отнюдь. Закономерный результат потребительского отношения к жизни.

Корнилов увидел в конце платформы пограничника в стеклянной кабине, бдительно стерегущего свой крашеный в бело-красную полоску шлагбаум. Пограничник, растерянно приподнявшись, по старой привычке, едва не отдал Юрию честь, но вовремя спохватился. Дождался, когда с будкой поравняется свежее испеченный начальник и вскинул руку к серому кепи. На Корнилова же даже не посмотрел. Поражение в гражданских правах. Так это называется.

Опять стальная лестница. Спуск на пути. Последние метры. Прощай Метро. Ты было благосклонно к одному из своих сыновей Юрке Корнилову. Наверное, будешь скучать без него. Самое время помолиться. Жаль, что он не помнит ни одной из форм обращения к Богу. Придется положиться на милосердие Всевышнего, который может и простит солдафону невежество.

Неожиданно он понял, что уже не слышит шагов за спиной. Это могло означать только одно – расстрельная команда остановилась. Амба.

Юрий не ожидал, что экзекуция произойдет на столь небольшом удалении от станции. Выстрелы будут хорошо слышны. Черт побери, а ведь умирать не хочется. Корнилов не выдержал и обернулся. Никто в него стрелять не собирался. Пока во всяком случае. Конвоиры вообще ушли. Павел стоял на середине туннеля один и спокойно сворачивал самокрутку. Поймав на себе взгляд Юрия, он поднял глаза.

– Иди, Юрка. Не останавливайся. И ни о чем не спрашивай. Я знаю ровно столько же, сколько и ты.

Корнилов и не собирался требовать объяснений. Он был слишком ошарашен произошедшим. В голове не было ни единой мысли. Полная пустота. Вакуум.

Юрий медленно двинулся вперед. Пять. Десять метров. Если он доберется до поворота туннеля, то может считать себя родившимся заново. И тут в гробовой тишине раздался щелчок. В другой ситуации он ни за что не узнал бы этот звук. Но сейчас все чувства были обострены настолько, что Корнилов сразу понял – Павел расстегнул кобуру. Зачем над ним издеваются? То дают надежду, то отбирают ее. Хотят помучить перед смертью или его дружок просто решил привести приговор без посторонних и собственноручно?

Юрий обернулся. Ни то, ни другое. Павел на самом деле достал пистолет, но направил стволом вниз. Тук! Гулкий выстрел разорвал тишину. Через секунду Павел выстрелил вновь. Затем повернулся и пошел в сторону станции.

Вот этого Корнилов совсем не ожидал. Павел нарушил приказ руководства. Отпустил конвоиров. Имитировал расстрел. Если кто-нибудь узнает об этом спектакле, Павлуше не сдобровать. Его поставят к стенке. Без всяких спектаклей.

Нечего теперь об этом думать. Что сделано, то сделано. Он жив и это чудесно, а все остальное приложится.

В голове зашумело от радости. Корнилов ускорил шаг. Главная задача – выбраться с территории Содружества.

Воплотить в жизнь этот блистательный план не удалось. Путь преградил невесть откуда появившийся незнакомец. В традиционном для Ганзы камуфляже с серыми плямами и неизменном берете, с черной кобурой на пояском ремне. Юрий решил пробиваться к свободе и собирался врезать ему кулаком под дых, но мужик ловко перехватил нацеленную для удара руку. Поворот. Толчок. Корнилов оказался отброшенным к стене, приготовился к новой атаке, но мужик неожиданно отступил и комично прикрылся руками.

– Ну-ну, успокойся! Пошутил я, как говорится...

Корнилов смерил незнакомца оценивающим взглядом. Круглое, розовощекое лицо, задорно поблескивавшие глаза навывкат. Не богатырь. Чуть ниже среднего роста. Воинской выправки нет, да и ведет себя слишком раскованно для кадрового офицера. Плюс – неплохо владеет дзюдо. Юрий считал себя хорошим борцом и сразу почувствовал уважение к коллеге, но для остротки буркнул:

– В следующий раз за такие шутки можешь и по роже схлопотать. Ты кто?

– Не человек – кипяток! Только что к смерти готовился, а теперь драку вяжешь, – ответил шутник, игнорируя вопрос Корнилова. – Пойдем. Там тебе все объяснят. По полочкам разложат. Разжуют и в рот пропихнут, как говорится.

Юрий решил, что выпендриваться не стоит. Неужели история с Сомовым ничему его ничему не научила? Пора, брат, делать выводы. Впредь надо быть осторожнее и не давать волю эмоциям.

Незнакомец направился в противоположную станции сторону. Не оглядываясь. Заранее уверенный в том, что Юрий последует за ним. Остановился метров через сто, у стальной двери подсобки, промаркированной тремя, ничего не означающих для непосвященных, цифрами. Вытащил из кармана увесистую связку ключей. Было их не меньше двух десятков. Самых разных форм и размеров.

Наблюдая за тем, с какой легкостью незнакомец отыскал в связке нужный ключ, Корнилов понял, что потайные ходы для избранных этому парню хорошо знакомы. Еще один жучила приближенный к руководству. Ключник.

– Ну, чего застыл, смертник? – усмехнулся розовощекий, указывая на темный проем. – Проходи. Милости, как говорится, прошу и дважды не повторяю.

Юрий вошел внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась. Подсобка микроскопических размеров. Еще одна дверь и узкий, ведущий к станции коридор, освещенный лампочками, ввинченными в прикрепленные к стене керамические патроны.

– Налево, – подал голос проводник.

Корнилов свернул. Новый, короткий коридор заканчивался однопролетной стальной лестницей. Поднявшись по ней, Юрий увидел очередную дверь. На этот раз деревянную.

– Входи, как говорится. Тебя ждут.

В помещении, очень похожем на камеру-одиночку из мебели имелось всего два табурета. Тот, что поближе к Юрию был свободен. На втором, забросив ногу за ногу, устроился сморчок в сером гражданском костюме. На лысой голове, круглых стеклах очков и начищенных до зеркального блеска ботинках играли отсветы лампочки, подвешенной на шнуре к потолку. Худощавое, с мелкими чертами лицо. Острый, гладко выбритый подбородок. Тощая шея, с выпирающим кадыком. Синяя сорочка, красный галстук с засаленным узлом. Колючие плечики.

Тонкие, с аккуратно обрезанными ногтями пальцы теребили конверт из плотной желтой бумаги.

Юрию хватило беглого взгляда, чтобы понять – этого хлипкого, но боевого дедушку с наглым взглядом, он где-то видел. Еще один ловкач, готовый за понюшку табака продать родную мать, но рангом повыше Ключника.

– Присаживайтесь, Корнилов. Нам предстоит долгий разговор.

Елейный голосок. Таким тоном говорят те, кто мягко стелет, но жестко спят.

Дав себе слово держать ухо востро, Юрий сел. Лысый положил конверт на колени, полез в карман и вытащил портсигар. С минуту оба занимались тем, что рассматривали друг друга. Под взглядом прикрытых стеклами очков глаз, Корнилов чувствовал себя неуютно.

Зажиточный дедуля. Далеко не все в Метро и даже в Ганзе могут позволить себе курить не самокрутки, а полноценные папиросы. Зажиточный и привередливый. Вишь, как выбирает папироску. Будто не все они одинаковые.

Как только сморчок определился с выбором и сунул папиросу в угол рта, рядом нарисовался Ключник с уже зажженной зажигалкой в руке.

Лысый пыхнул дымом и протянул портсигар Юрию.

– Угощайтесь.

– Не курю.

– И правильно делаете. Именно такие люди мне и нужны. Здоровые, без вредных привычек и с мозгами.

– А кому это мне?

– Неважно. Называйте меня... Ну, скажем, Иваном Ивановичем. И судите о размере моей власти по делам. Не каждый, смею вас заверить, способен вытащить с того света приговоренного к расстрелу. Такие вот пилястры-контрфорсы. Вы так внимательно смотрите. Я вам кого-то напоминаю?

– Не знаю, – Юрий пожал плечами, пытаюсь вспомнить, что такое пилястры и контрфорсы. – Может быть.

– А вы мне напоминаете. Очень даже. Одного очень влиятельного человека. Манерой разговора. Мой покойный знакомый тоже говорил так: тихо, с паузами, придающими вес каждому слову. М-да. Было времечко.

Корнилов вспомнил, где видел очкастого сморчка. Ну, конечно! Он был в комнате, где заседали члены руководства станции, решавшие участь Юрия. Участия ни в обсуждении, ни в вынесении приговора не принимал. Держался на заднем плане. Сидел на стульчике в углу и лишь постоянно поправлял очки.

Более того – встречались они не один раз. Иван Иванович, несмотря на все старания быть неприметным, был как-то связан с громким скандалом, разгоревшимся из-за связей Ганзы с подонками-сатанистами Тимирязевской. Корнилов напряг память. Его мало интересовали темные делишки руководства, но дело было громким. Содружество снабжало дьяволопоклонников оружием, а взамен получало топливо. Да. Именно так. Очкарик, кажется, увяз в этом деле по самые уши, но в конечном итоге выкрутился. Во всем обвинили стрелочника. Юрий даже вспомнил его имя. Михаил. Так-так. И чем увлекается дружбан сатанистов на этот раз? Такой в баптисты не подается.

– Я благодарен вам за внимание к моей скромной персоне, – произнес Корнилов вслух. – Но, как я понимаю, одной благодарностью мне не отделаться.

– Правильно понимаете, Корнилов. Вы лишили меня очень ценного помощника. Дмитрий Сомов был моим... Скажем так, чиновником для особых поручений. Подавал большие надежды. Вот уж не думал, что из-за бабы... Не напрягайтесь, Юрий. Ваша Людочка не отличалась строгим поведением. Она была, пухом ей земля, слаба на передок и имела привычку не пропускать никого из тех, кто носит штаны. Шлюха...

Корнилов все же позволил себе напрячься и даже попытался вскочить со стула, намереваясь сбить со сморчка очки вместе со спесью. Однако на плечи тут же легли руки, стоявшего за спиной Ключника.

– Я же предупреждал – не напрягайтесь, – лысый поднял глаза к потолку, любуясь удачно выпущенным колечком дыма. – Вы, Корнилов, пока еще покойник. Мне ничего не стоит приказать моему парню вывести вас в туннель и пристрелить на том самом месте, где это и должно было произойти. Повторяю еще раз – вам не стоило лезть в петлю из-за третьесортной стервы, которой была жена Сомова. Признаться, я был поражен тем, что она нашла в себе силы покончить жизнь самоубийством. Что ж... Ганза избавилось от еще одной вредной твари. Только и всего. Нам ни к чему разного рода пятна на деловой репутации. Такие на сегодня пилястры-контрфорсы...

– Чушь собачья! Я в курсе того, на чем держится ваша деловая репутации, – Юрий старался оставаться спокойным, но голос его дрожал от ярости. – Вредных тварей надо искать среди таких, как вы.

– Моралист, – вздохнул старикан, швыряя окурок на пол. – С вами тяжело работать. Но, слава Богу, всегда можно с легкостью припереть к стене. Итак, решайте: возвращаетесь в небытие или заменяете мне Сомова. Тратить время на пустые разговоры не стану.

– Я должен знать, в чем будет состоять миссия, – сдался Корнилов.

– Ну, вот. Уже теплее. Миссия, говорите, вы? Чересчур высокопарно. Хотя, если рассуждать в перспективе... Вы передадите мое послание одному из деловых партнеров и останетесь там, куда я вас посылаю. Станете моими глазами и ушами. Предупреждаю: не надо считать письмо рекомендацией и рассчитывать на то, что вас примут с распростертыми объятиями. Все будет зависеть от ваших деловых качеств. Пробьетесь в люди – сгодитесь и там, и тут. Не выйдет – станете не нужны никому. Назревают большие перемены, Корнилов. Руководство Ганзы всерьез заинтересовалось Рублевкой...

– Рублевкой?!

– А что вас так удивляет? Рублевка, она и в Африке Рублевка. Думаете, что Катаклизм способен стереть с лица земли столь жизнеспособную структуру? Ошибаетесь. Поскольку, я полагаю, что наше сотрудничество началось, то позволю открыть вам один из секретов Ганзы. Мы давно и успешно сотрудничаем с Рублевкой и ее столицей Жуковкой. Не стану врать – многое там изменилось, но главное осталось неизменным. В элитных поселках по-прежнему живут люди, знающие себе цену. Сотрудничать с ними на взаимовыгодных условиях – легко и приятно. Товарно-денежные отношения по-прежнему управляют миром. Мы поставляли на Рублевку свой товар. Получали расчет. И все были довольны. Однако амбиции хозяев Рублевки растут с каждым днем. Кто знает: может быть уже завтра они задумают распространить свою власть на Метро. Ганза не может допустить этого. Принято решение воспользоваться внутренними противоречиями в стане противника, нейтрализовать, а по возможности захватить стратегические запасы Рублевки. На переднем плане этой деликатной и жизненно важной для Ганзы задачи стоял Сомов. Правда, больших успехов он не добился и, надо сказать, своевременно вышел из игры. Вы замените Дмитрия. Так как, договорились?

Корнилов медлил. Тимирязевская. Обмен оружия на топливо. Рублевка. Возможно, опять поставки оружия. Он вступает в сделку с дьяволом? А если рассуждать не так категорично? Бизнес – есть бизнес, а военный человек должен относиться спокойно к тому, что стреляет. Это – часть профессии. К тому же выбор у него невелик. Сморчок не блефовал – расстрел Юрия Корнилова состоялся. Он мертв для Ганзы. Воскресение закончиться новым расстрелом и на этот раз целиться будут в него.

– Я согласен.

Глава 2. Дорогомиловский Дворник

– Тогда потрудитесь получить, – Иван Иванович передал Корнилову конверт. – Здесь карта и мое письмо, которое следует передать человеку пол кличке Паук. Найти его просто. Он будет одним из первых, с кем вы встретитесь, если благополучно доберетесь до места. Прежде чем мы расстанемся, позволю дать вам три совета. Во-первых, постарайтесь не отклоняться от маршрута, чтобы избежать нежелательных встреч. Этот путь проторил ваш предшественник Сомов. Он ходил на Рублевку не раз и всегда возвращался живым. Так что менять испытанный маршрут будет с вашей стороны опрометчиво. К тому же вы получите определенные бонусы, которые сделают путешествие максимально комфортным. О них вам поведаст мой помощник.

Слушая напутствия сморчка, Корнилов выудил из конверта вчетверо сложенную карту. Конечная точка предстоящего путешествия было отмечена жирной красной точкой. Жуковка. Подходящее название для места, где обитают дружки такого жука, как Иван Иванович. Мельком оценив расстояние, которое нужно было пройти по поверхности, Юрий приуныл. Большого опыта путешествий среди развалин Москвы у него не было. А тут речь шла даже не о Москве. Переться придется к черту на кулички. Сморчок не слишком облагодетельствовал его, оставив в живых. Черт бы побрал, эти пилястры-контрфорсы...

– Во-вторых, не пытайтесь прочитать послание, – продолжал Иван Иванович. – Пустая трата времени. Я и мой адресат пользуемся одноразовыми шифрованными блокнотами. Это шифр взломать невозможно. К тому же подробности нашей коммерческой сделки будут вам малоинтересны. Думайте, лишь о том, насколько ценные сведения вы предоставите мне в своем докладе, когда я сам прибуду в Жуковку. Не пробуйте нарушить условия сделки и вернуться в Метро. Вы прекрасно знаете возможности спецслужб Содружества. Вас найдут и убьют. Не играйте с огнем, Корнилов.

– Я учту ваши пожелания.

Подробности твоих сделок, старый пень, мне действительно до лампочки. Как и угрозы, и Жуковка, чтоб ей сквозь землю провалиться. Первым, что он сделает, когда окажется наверху, так это начнет искать вход обратно. Может, найдет без посторонней помощи или прибьется к группе сталкеров, шастающих по Москве. Два-три дня продержится и если судьба будет к нему благосклонной, то вернется в Метро. Ганза могущественна, но не настолько, чтобы дотянуться до станций, где действуют другие законы. Может житуха, там налажена и похуже, но амбиций не меньше, чем у жителей Коричневого Кольца. Выбор есть. Хороших солдафонов ценят везде. Он может податься к коммунистам, фашистам, анархистам или примкнуть к более мелкой группировке. Например, к тому же Томскому, прославившемуся на все Метро своими терками с коммунистами. Его ведь тоже, небось, пугали. А он себе живет и здравствует. Даже отбил у коммунак целую станцию. Такой ухарь и Ганзу пошлет на три веселых буквы.

Иван Иванович встал.

– Последнее. Я буду следить за каждым вашим шагом. Совсем как девочка в сказке о Маше и медведях. Далеко сию, высоко гляжу. Надеюсь, мы поняли друг друга и мне лишь остается пожелать вам счастливого пути.

– Спасибо. Я тоже надеюсь.

Ключник вышел из комнатухи вслед за своим начальником. В замочной скважине со скрежетом повернулся ключ. Несмотря на полное взаимопонимание Юрия заперли. Воспользовавшись случаем, он вновь принялся изучать карту. Не потому, что собирался проделать весь этот головокружительный путь. Просто хотел вспомнить знакомые с детства места и представить себе, какими они стали сейчас. Внимание Корнилова привлекла еще одна красная точка на карте. Поставлена она была ни к селу, ни к городу в месте, где не было ни одного приличного

ориентира. Что еще за перевалочный пункт? А впрочем, какое ему дело? Ни до каких красных точек он ведь добираться не станет. Заметано. Обсуждению не подлежит.

Дверь распахнулась. Появился Ключник с приклеенной к губам ехидной ухмылкой и увесистым свертком под мышкой. Швырнул его Корнилову. В полете сверток развернулся. К ногам Юрия упал костюм химзащиты. Добротный, малопоношенный. Со свинцовыми накладками, нашитыми на грудь и спину. А еще – противогазная сумка, из которой высовывался фрагмент гофрированного хобота.

– Одевайся, как говорится.

Юрию пришлось натянуть на себя принесенную одежду. Забросив сумку противогаза на плечо, он вопросительно взглянул на Ключника. Тот кивнул на дверь.

– Вперед!

Новые коридоры, новые двери. Корнилов старался понять, где они находятся. По всем прикидкам выходило – вертятся у станции. Еще один коридор и стальная лестница, круто уходящая вверх. Поднявшись на площадку, Ключник остановился.

– Натягивай, Корнилов, намордник. Твоя рожа нынче не слишком популярна в этих местах. Светить ее – себе дороже.

– А свою рожу считаешь популярной?

Запах резины вызвал у Юрия приступ кашля. Чертова простуда. Как раз сейчас выходить на свежий воздух ему не рекомендуется.

Ключник дождался, пока Корнилов откашляется и натянет противогаз.

– Рожамы потом меряться будем. Если встретимся. В чем лично я, как говорится, сомневаюсь. Ты внимательно слушал шефа?

– Более чем.

– И все-таки выводов для себя не сделал. Небось, рассчитываешь, что удастся нырнуть в Метро и послать нас к едреной фене? Тогда слушай. На первых порах из снаряжения у тебя будет только фонарик. Ну, может, еще нож. Это в том случае, если будешь вести себя хорошо. Все остальное снаряжение отыщешь в тайнике. Он отмечен на карте.

– Страхуетесь?

– Ага. В нашем деле, как говорится, без этого нельзя. А чтобы окончательно отбить у тебя охоту совершать необдуманные поступки, сообщаю: твоего дружка Павла мы будем держать на мушке. Он участвовал в твоём спасении и ты обязан ему по гроб жизни. С другой стороны, лишние свидетели для нас – не слишком ценные фигуры. Мы уьем его без колебаний, как только узнаем, что ты свернул с праведного пути.

– Сука!

Ключник опять переиграл Юрия. Приемов дзюдо, которых от него ожидали, применять не стал. Просто вырвал из кобуры «макаров» и ткнул стволом Корнилова в живот.

– Дурак. Я же предупреждал: ножик получишь только в награду за хорошее поведение. Успокоился?

– Да.

– Тогда – слушай дальше. На карте отмечено место, где ты дождешься наших хороших знакомых. Они называют себя Детьми Дракона. Каждый имеет очень скверный характер. Будь с ними учтив, но не забывай время от времени показывать, что и ты не лыком шит. Скажешь, что ты – вместо Димки Сомова. Этого будет достаточно. Подбросят, куда следует. Остальное – в твоих руках. Шеф не хочет, чтобы тебе заранее объясняли нюансы происходящего на Рублевке. Для чистоты, как говорится, эксперимента. Нам нужен свежий, непредвзятый взгляд на ситуацию. Так, что выкручивайся, как сможешь. Сечешь?

– Секу.

Ключник отпер дверь. Они оказались в турникетном зале, переоборудованном в пост охраны. Окошко в деревянной будке светилось. Дорогу к гермоворотам перегородивал не

какой-нибудь хлипкий шлагбаум, как в туннеле у выхода на станцию, а два ряда сложенных полукругом мешков с песком.

Гостей с поверхности шлагбаумом не остановишь, документы не проверишь и пинком под зад восояси не отправишь. Они понимают лишь один язык. Общаться с ними следует с помощью хорошего пулемета. Как раз такого, что и был установлен на самодельной поворотной платформе в центре полукруга мешков. У «дегтяря» потягивали самокрутки два охранника. Рядом лежала пара противогазов, громоздкий прибор ночного видения и два «калаша» с деревянными прикладами.

Услышав шаги, часовые вскочили. Узнали спутника Юрия, потушили окурки, вытянулись в струнку. Один остался на месте, а другой юркнул в будку. Навстречу гостям вышел заспанный начальник поста внешней охраны.

Ключник подошел к начальнику, бросил ему несколько слов, расстегнул клапан нагрудного кармана, вытащил лист бумаги. Читая, начальник поста, так силился вникнуть смысл бумаженции, что даже высунул от напряжения кончик языка. Потом посмотрел на Юрия. Глаза его освободились от пелены сна. В них было сочувствие и... Что-то еще. Верного слова Корнилов подобрать не мог. Так смотрят на смертельно больных их безутешные родственники, толпящиеся у смертного одра в ожидании неизбежного.

Наконец кивнул головой и отдал приказ подчиненным. Те потянулись к противогазам. Началось.

Ключник вернулся к Юрию, протянул фонарик и десантный нож в брезентовом чехле, очевидно позаимствованный у кого-то из охранников.

– Держи. Авансом, как говорится.

Корнилов пошел к поджидавшим его часовым. Те стояли с противогазами в руках и кислыми выражениями на лицах.

Ага. Ребята так и не свыклись со своей работой и не испытывали удовольствия от проводов тех, кто выходил на поверхность. Ниче, пацаны. Делов-то. Через пять минут вы вернетесь на свои мешки. Мне придется гораздо хуже, а я, как видите, ничего, держусь.

Юрий ожидал, что его поведут к центральным гермоворотам, но ошибся. Вместо этого первый пограничник направился к неприметной стальной двери в дальнем углу турникетного зала.

Корнилов не без трепета посмотрел на надпись «Посторонним вход категорически воспрещен!», намалеванный черной краской значок радиации и стальную задвижку толщиной сантиметров в пять.

Он и не подозревал, что выйти на поверхность можно и через эту дверь. Внешняя служба охраны была отдельным подразделением, не входила в его компетенцию, а секреты смежников Юрия мало интересовали. Еще одна фишка Ганзы – выполняй свою работу, как можно лучше и не суй нос в чужие дела.

Едва охранник распахнул дверь, как небольшую комнату осветило мигание лампы под красным колпаком. Завела свое отрывистое «у-у-у» звуковая сигнализация. Все успокоилось только после того, как дверь закрыли. Лампочка перестала мигать, загорелась ровным светом. Заткнулась сирена. Юрий почувствовал себя рыбой в аквариуме наполненном некой багровой субстанцией. В комнате имелась еще одна дверь. Весьма серьезная на вид. С множеством ребер жесткости и системой запоров, подчиняющихся колесу полуметрового диаметра, выкрашенному в красный цвет. Охранник положил на него ладони. Провернул. Обильно смазанная солидолом конструкция пришла в движение. Еще один поворот. Дверь начала медленно открываться.

Вот, как оказывается, выглядит вход в ад. Юрий смотрел расширяющуюся щель с так, словно ожидал, что из нее вот-вот высунутся рога дьявола. Рога не высунулись и волосатая лапища не утащила Корнилова в преисподнюю. За дверью оказался тамбур. Туда вслед за

Юрием вошел один охранник, успевший натянуть противогаз. Его напарник толкнул дверь. Лязгнули запоры. Перед Корниловым была еще одна дверь. Последняя. Граница между двумя мирами. Или точнее – измерениями. Причем далеко не параллельными. Всего несколько сантиметров стали отделяли Юрия от территории, на которой безраздельно властвовали абсолютно чуждые человеку силы. Перед мысленным взором пронеслись последние эпизоды пребывания в Метро: выражение лица Павла, палившего себе под ноги, сочувственный взгляд начальника поста, ладони охранника, обхватившие колесо поворотного механизма. Все это не было шуткой. Его действительно вышвыривали на поверхность. В голову полезли странные, глупые идеи, невыполнимые планы. Мысли утопающего, который хватается за соломинку. Остановить это безумие. Поговорить с охранником. Вернуться. Добиться аудиенции у руководства, рассказать все о встрече с Иваном Ивановичем...

– Открывай!

Приглушенный противогазом голос вернул Юрия к реальности. Ничего не выйдет. Казнить, нельзя помиловать. На ватных ногах он шагнул к двери, отодвинул засов. Толкать дверь не понадобилось. Она открылась сама. С такой быстротой, словно снаружи ее кто-то тянул. Корнилов набрал полную грудь воздуха и вышел в темноту.

Споткнулся Юрий уже на третьем шаге. Груда битого кирпича и бетонного крошева перекрывала путь прямо у двери. Наверное, ею пользовались не часто. Юрий решил присесть. Нестись куда-то сломя голову не стоило. Для начала следует определить направление. Пока лучше оставаться на месте. Поберечь батарейки, дождаться рассвета, а уж потом начинать путешествие. Тем более, что вопрос о том, когда лучше всего прогуливаться по Москве, так и оставался открытым. Одни утверждали, что безопаснее всего ходить ночью. Другие, с пеной у рта, доказывали – неприятных сюрпризов и нежелательных встреч поможет избежать дневной свет. Эти споры выглядели не намного лучше, чем дискуссии тупоконечников и остроконечников из «Путешествий Гулливера». Все равно, с какой стороны разбивать яйцо. В этих руинах за яйца тебя могут схватить в любое время. Ночью на охоту выходят одни твари, днем – другие. Солнечный свет может быть также опасен, как и крошечная темнота, а радиоактивный фон не меняется в зависимости от времени суток. Как ни верти, вывод напрашивается только один – на поверхность лучше вообще не соваться, а коли приперло – пеняй на себя.

Кроме того, ему следует побеспокоиться о другом. Простуда прогрессировала. Если еще совсем недавно кашель сопровождался болью в груди и обжигал горло, то теперь даже сглотнуть слюну было трудно. Дыхание было таким горячим, что временами казалась – греется резина противогаза. Это не оэрзэ. Возможно даже не грипп и не ангина, а воспаление легких. Хуже некуда. Сейчас бы выпить кружку обжигающего грибного чая, забраться под ворох одеял и хорошенько отлежаться. Вот только нет у него обратного пути. Обложили, падлы, со всех сторон. Как волка, красными флажками...

Корнилов встал. Прошло достаточно время и размытые контуры разрушенных строений постепенно обретали четкость. Занимался рассвет. Его серая полоска виднелась в местах, где обзор не перекрывали развалины. Солнце еще не появилось, но его робкие лучи уже окрасили розоватым ореолом края темных облаков. Утро. Оно могло что-то означать в обычной жизни, но для мертвого города являлось всего лишь сменой декораций, мало чем отличавшихся одна от другой.

Юрий хорошо помнил расположение первой красной точки на карте, сориентировался и двинулся в путь. Когда-то он знал этот город, как своих пять пальцев. Не проспекты, не широкие улицы, а заповедные места, известные лишь рыцарям тайного ордена Паркура. Лихим ребятам, занятых поиском приключений на свою задницу. Он свое приключение нашел. Да так ловко, что с тех пор всегда носил с собой напоминание о неудачном прыжке – титановую пластину, прикрывавшую дыру в черепе.

Корнилов обошел торчавшие из бетона ржавые остатки какой-то металлоконструкции. Почти такие же, на которые он сверзился в далеком две тысячи двенадцатом. Тот момент он запомнил в деталях. И прыгнуть-то надо было всего на пару метров. С крыши одного гаража на крышу соседнего. Такие фортели он проделывал сотни раз, но тогда что-то случилось. То ли кроссовок зацепился за выступ на крыше, то ли разгон не соответствовал расстоянию, то ли Бог решил, что Юрец-огурец свое отпаркурил.

Ноги его даже коснулись заветной крыши, но тут же соскользнули вниз. Боль он почувствовал не сразу. Скатившись с ржавых железяк на траву, решил было, что все обошлось. Думал, что во-вот увидит напуганные лица дружков, но не увидел ничего. Смотреть мешала залившая глаза кровь. Он пытался смахнуть ее ладонью, но рука почему-то не поднималась. Очухался он уже после операции, в палате реанимационного отделения Склифа. Добрый дядечка-хирург принес ему хорошую новость – череп пациента уже сформировался и привинченную к нему пластину не придется менять раз в несколько лет.

С паркуром пришлось завязать. И потому, что на этом настаивали родители, и потому, что сам Юрий начал испытывать страх перед головокружительными трюками. Он думал, что это будет самым большим его огорчением в жизни. Скажи ему кто-нибудь, что всего через год от родимой Москвы останутся рожки да ножки, он поднял бы шутника на смех.

Теперь же было не до смеха. Держаться нужного направления мешали многочисленные преграды. Наполненные водой ямы, горы мешанины из обломков кирпича и бетонных обломков. Вот дорогу преградила стена со следами сажи на еще не обсыпавшейся штукатурке. Пришлось свернуть в очередной раз.

Корнилов выругался вслух. Тут же закашлялся. Этот приступ длился дольше обычного. Когда с ним, наконец, удалось справиться, резина противогаза стала мокрой от слюны. Заболела голова. Если симптомы будут нарастать с такой скоростью, скоро он превратится в развалину. Не сможет идти. Сдохнет без помощи мутантов.

Чтобы этого не случилось, лучше помалкивать, а если захочется ругаться – делать это про себя.

После пятиминутной передышки Юрий двинулся вдоль стены. Отыскал подходящий пролом. Выглянул в него и с облегчением перевел дух. Сотня метров открытого пространства. Почти без препятствий, если не брать в расчет ржавого остова легковушки, да перевернутого газетного киоска, который неведомый силач зачем-то вытащил на середину улицы.

Корнилов пролез в пролом. Жизнь вроде бы налаживалась. Каравкаться через завалы в обозримом будущем не придется. Утренний ветер взметнул с земли пыль. Видимость от этого не слишком ухудшилась, а повисшие в воздухе пылинки хоть как-то защищали от солнечного света. Сразу за киоском улица сворачивала в нужном Юрию направлении. Если удача будет ему сопутствовать, он отыщет чертов тайник через час или два. Там, конечно, будет оружие, еда, а может, даже и лекарства. Дальше все будет зависеть от везения.

Тут Корнилов услышал шум. Целая палитра непонятных звуков доносилась из-а угла наполовину разрушенной девятиэтажки. С той улицы, на которую он собирался свернуть. Юрий замер. Выдернул из чехла нож.

Спасибо, Ключнику, ему есть, чем встретить охотников за человечинкой. При условии, что те, конечно, не будут превышать размера собаки.

Шорохи и шелест, то затихали, то переходили в отчетливое постукивание. Возможно, просто ветер играл с каким-то мусором. Однако на ум Корнилову пришло совсем другое. Дорогомиловский Дворник. Кошмар этих мест, о котором наперебой рассказывали сталкеры. Посвященных Дворнику легенд было так много, что отыскать крупницы правды в нагромождении откровенной лжи стало невозможно.

Наибольшее впечатление произвел на Юрия рассказ одноглазого сталкера, как-то остановившего в Ганзе на пару дней. За чашкой грибного чая, он, с несомненным литературным

талантом ловко суммировал все байки в одну короткую историю. Сейчас Корнилову казалось, что слышит над ухом хрипловатый голос, повествующий о дорогомилловском ужасе.

– Звали этого таджика Хабибом. Приехал, значит, парень покорять столицу метлой, да лопатой. Пристроился дворником в ЖЭК. Дурачку этому, само собой, обещали все мыслимые и немыслимые блага, а главное – прописку. Хабиб отпахал на уборке мусора больше десяти лет и верил, что заветный штампик вот-вот украсит страничку его паспорта, который, к слову сказать, у него сразу отобрали. Получил парнишка дулю с маком. Когда бабахнуло, одним из первых очоурился. Однако в мертвых числиться не пожелал. По сей день подметает улицы и свято верит, что скоро станет полноправным москвичом. Кожа у него обгорела, слезла вся, как кожура с яблока. Пришлось Хабибу прикрыться кое-как костюмом химзащиты. Черный он у него, а на глазах – солнцезащитные очки. А еще... Модернизировал дворник свою метлу. Помело у нее теперь не из зеленых пластиковых прутьев, а из стальной проволоки. Ходит Дорогомилловский Дворник меж развалин и метет, метет. А тем, кто его повстречает, задает один и тот же вопрос. Не курсе ли, мол, товарищ, куда подевался мой повелитель – начальник ЖЭКа номер шестьсот шестьдесят шесть? Люди само собой не в курсе. Пугаются. Немеют. Тогда серчает Хабиб. Пускает в ход свою метлу...

Тогда Корнилов посмеялся над одноглазым рассказчиком. Заявил, что не верит ни одному его слову. Теперь думал иначе. Упражняться в своем неверии хорошо, если ты сидишь за столом с кружком чая, знаешь, что рядом «калаш» с полным рожком и куча крепких парней, готовых прийти на подмогу. А если болен, беззащитен и одинок, рационализм и скепсис куда-то испаряются.

Черт возьми! Эти звуки так похожи на поскребывание железа по асфальту... А если он выглянет из-за угла и вправду наткнется на Дворника? Ну, уж нет! Встреча с Хабибом в наши планы не входит.

Юрий собирался повернуть обратно, но его застал врасплох новый приступ предательского кашля. Чем больше Корнилов старался его подавить, чем громче кашлял. Когда же все прошло, шум за углом стих. Его обнаружили. Обнаружил. Дорогомилловский Дворник уже подкрадывается с занесенной для удара метлой.

Юрий применил сицилианскую защиту. В два прыжка достиг угла и выскочил на открытое пространство с ножом, нацеленным в живот потенциального противника. Вместо мертвеца в черных очках он увидел десяток зверьков, которые сгруппировались вокруг...

Два открытия Корнилов сделал одновременно. Зверьки с черной, лоснящейся шерстью, зелеными глазами и длинными голыми хвостами – некая разновидность крыс. А шумели они потому, что дрались за добычу – человеческую руку, оторванную по локоть. На ней болтались жалкие остатки синего защитного комбинезона. Скрюченные пальцы были обгрызены до костей. Сейчас черные твари приступили к дележке самого лакомого куска – мясного ошметка на локтевом сгибе.

Юрий ни секунды не задумывался над тем, к чему может привести его вмешательство. Он хотел только одного – не позволить крысам издеваться над тем, что когда-то было частью человеческого тела. Подхватив первый попавшийся под руку осколок кирпича, он метнул его в гущу чавкающей и грызущей стаи. Послышался визг. Крысы разбежались в стороны. Рядом с рукой осталось одна. Кирпич перебил черной твари позвоночник. Крыса силилась встать, но лишь дергалась и сучила лапами. Измазанная в крови пасть разевалась и закрывалась, а в зеленых глазках светилась такая ненависть, что Корнилов невольно попятился.

Другие твари справились с замешательством, вызванным появлением человека и набросились на товарку. Свежая, еще дергающаяся добыча привлекала их гораздо больше, чем уже остывшая рука. Раненая крыса билась до последнего. Она успела укусить нескольких подружек-каннибалок, но те не отступали. Минута и от крысы остался лишь обглоданный скелет.

Юрия так поразила дикая сцена, что он не сразу заметил новых тварей, которые выскакивали из всех щелей. Занятый спасением никому не нужной уже руки, он не увидел в крысах серьезных противников, забыл о том, что они могут взять числом. Швырять в хвостатых монстров кирпичами было бесполезно. Крысы запрудили улицу с обеих сторон, отрезав новой добыче путь к отступлению. Они наступали так слаженно и уверенно, словно все до одной подчинялись приказам опытного вожака.

Спасти от этой орды можно было лишь в одном месте. Все в пяти метрах Юрий увидел дверь подъезда со смотровым окошком. Раздумывать было некогда – правый фланг крысиного воинства уже приближался к двери. Прыжок. Корнилов вцепился в ручку. Рванул на себя. Под ногой хрустнула раздавленная сапогом тварь. Ее подруга, подпрыгнув, вцепилась в штанину. Юрий тряхнул ногой. Крыса упала и взвизгнула, перерубленная закрывающейся дверью пополам.

Корнилов оказался в темноте. Света, проникавшего внутрь через смотровое окошко, было слишком мало, для того, чтобы рассмотреть подъезд. Снаружи слышались удары беснующихся тварей. Хвала архитекторам и строителям за то, что дверь открывается наружу. Теперь осталось убедиться, что она не распадется под собственным весом и отправляться на поиски выхода из здания. Осуществить удалось только первую часть плана. Как только Юрий повернулся лицом к лестнице, на его плечо опустилась чья-то рука, а из темноты раздался сдавленный и глухой, ничуть не похожий на человеческий, голос:

– Помоги. Помоги мне найти начальника ЖЭКа номер шестьсот шестьдесят шесть...

Глава 3. Крысиный король¹

Ужас, охвативший Корнилова в какой-то степени ему помог. Он инстинктивно оттолкнул от себя Дворника, метнулся в сторону и прижался спиной к стене подъезда. Крысы загнали его в ловушку. Прямо в лапы мертвеца, убивающего живых стальной метлой. Теперь, когда это случилось, поверить можно было во все, что угодно. Например, в то, что твари с черной, лоснящейся шерстью сотрудничают с дорогомилловским мертвяком. Как свора гончих и охотник. Крысы загоняют для Дворника добычу, а когда тот удовлетворяет жажду мести к живым, получают в награду за верную службу трупы. Взаимовыгодное сотрудничество: и крысы сыты, и Дворник доволен.

Юрий держал нож наизготовку, чтобы отразить новое нападение. Однако ничего не происходило. Дворник затаился в темноте и тоже выжидал. Удары крыс о дверь стали не такими яростными. Корнилов напряг слух в надежде услышать, как монстр шевелится или дышит. Напрасные старания. Покойники не нуждаются в порции воздуха и могут стоять неподвижно сколь угодно долго. Такова их мерзкая натура. Остается дожидаться, пока глаза привыкнут к темноте и... Что дальше? Он увидит Дворника и пырнет его ножом? Мертвецу дырка в пузе не повредит. Лишь разозлит его. В таком случае лучше смыться за дверь. Если, конечно, крысы выпустят.

Юрий шагнул к двери. Не забывать о том, что сзади тоже могут напасть. Не поворачиваться к лестнице спиной. Едва Корнилов тихонечко толкнул дверь, последовала реакция – несколько тварей стукнулись о металл, а одна крыса даже просунула в щель морду. Юрий потянул ручку на себя. Мерзкий писк. Из пасти крысы, как паста из тюбика полезли ее внутренности. Зеленые глазенки потухли.

Путь наружу отрезан. Придется договариваться с Дворником. Не успел Юрий подумать об этом, как со стороны лестницы раздался шум. Что-то похожее на звук, издаваемый краном, когда в трубе кончается вода.

Это повергло Корнилова в смятение. Парализованный ужасом, он ждал удара стальной метлы. Шли секунды, тянулись минуты. Не происходило, ровным счетом ничего. Глаза адаптировались к темноте, да и свет из окошка, пропущенный через пылевое сито, тоже помог. Предметы обрели очертания.

На лестничной площадке, прямо у ног Юрия, в луже застывшей крови лежал человек в синем костюме химзащиты. Лицо было закрыто противогазом, но, даже не видя его, Корнилову было ясно – ничего общего с Дорогомилловским Дворником мужчина не имеет. Рука, которую обгладывали крысы, принадлежала ему. Парню хватило сил на то, чтобы добраться до подъезда, оторвать зубами полоску химзы и наложить на обрубок правой руки жгут. Потом, скорее всего, он вырубился от потери крови и ненадолго пришел в себя, когда в подъезд влетела новая жертва крысиного беспредела.

Юрий сел на корточки. Просунул ладонь под воротник, приложил пальцы к шее. Ни малейшего намека на пульс. Бульканье, которое он слышал минуту назад, было последним вздохом несчастного.

Вопрос ребром: кто же тогда интересовался начальником ЖЭКа? Да, никто. Парень просто попросил помощи, а все остальное ты додумал сам, гражданин Корнилов. Мертвецов со стальными метлами нет. Их придумали сталкеры для того, чтобы прибавить себе значимости. Тогда кто оторвал ему руку? Не крысы. Кто-то покрупнее.

¹ Термином «Крысиный король» называют чрезвычайно редкое, не изученное явление, когда несколько крыс срастаются или связываются своими хвостами между собой. Возможно, наблюдая подобное жуткое явление в реальности, люди стали дополнять его несуществующими подробностями и в последствии слагать легенды о страшных многоголовых крысах...

Юрий снял с мертвеца противогаз. На вид парню не было и тридцати. Темные тщательно подстриженные усы. Тонкие, аристократичные черты лица. Ничего общего с грубой внешностью сталкеров, которых Корнилову довелось встречать. Судя по всему, при жизни этот человек был не беден. Вот и новенький костюм химзащиты и черная гимнастерка из добротной ткани говорили в пользу этой версии. Кто же он? Ответ на свой вопрос Юрий получил, когда его взгляд упал на оголенное предплечье мертвеца. Татуировка. Череп в мишень. Внизу две буквы S в виде молний.

Союз Стрелков. Юрий почувствовал, как по спине пробежала стая холодных мурашек. Союз был такой же легендой, как и Дорогомиловский Дворник. Правда, существование этого сообщества сомнению не подвергалось и состояли в нем не ходячие мертвецы, а очень даже живые люди. Богатые ублюдки, сумевшие наладить комфортную жизнь на руинах рухнувшего мира. Пресыщенные и развращенные вседозволенностью, они уже не интересовались ни детской забавой вроде крысиных бегов в Ганзе, ни кровавыми гладиаторскими боями в Черкизоне. Новым развлечением избранных, жаждавших сверхдоз адреналина, стала охота на поверхности. Не на мутантов. Последние были лишь антуражем и добавляли забаве дополнительную остроту. Союз Стрелков охотился на людей. Стрелки считали своей законной добычей всех, кто попадался им на поверхности. Убивали ради забавы. Члены братства убийц, хоть и использовали эсэсовскую татуировку, не имели никакого отношения к Рейху и тщательно скрывали свою причастность к Союзу.

Корнилову досталось сомнительное счастье – увидеть Стрелка в лицо и не умереть от его руки. Юрий встал. Он не испытывал никакого сожаления к мертвому монстру в человеческом обличье. Один зверюга нарвался на другого, более сильного и получил по заслугам. Не стоило ссориться с крысами из-за этого ублюдка. Корнилов взглянул на дверь. Может вышвырнуть труп на улицу? Пусть крысы вдоволь полакомятся.

Он сразу забыл об этом плане, когда увидел, что ручка двери обмотана толстой проволокой. Один ее конец свисал и был явно предназначен для того, чтобы крепиться к вбитой в стену толстой скобе. Кто-то, по мере сил укреплял подъезд.

Корнилов использовал проволоку по назначению. Натянул ее и накрепко обмотал вокруг скобы. Не из-за крыс. Рядом могли разгуливать дружки Стрелка. Теперь предстояло отыскать выход из дома.

Юрий переступил через труп, собираясь подняться на площадку первого этажа. Едва нога его коснулась первой ступеньки, как он тут же ее отдернул. Лестница отреагировала на прикосновение вибрацией! Мать честная. Некогда монументальная конструкция теперь держалась на честном слове. Пролет чудом не провалился вниз, повиснув на нижней и промежуточной площадках. Пола не было. Он провалился в подвал. Но не это было самым страшным. Подвал кишел крысами. Они устроили себе гнезда из обрывков тряпок, деревянной трухи и сухой травы.

Такого количества хвостатых тварей Юрий никогда не видел. Даже в кошмаре не мог представить себе, что в одном месте может собраться такая стая. В подвале перебегали с места на место взрослые особи, копошились голые, обтянутые розовой кожей детеныши. Больше всего Корнилова поразил и ужаснул вид трех десятков крыс, слепленных в один мерзкий комок. Завязанные в узел хвосты не позволяли этим крысам толком двигаться. Остальные твари то ли из сострадания, то ли из почтения к своему страшному в своей беспомощности королю подтаскивали ему кусочки пищи – красные ошметки мяса, возможно, человечины.

Корнилов ступил на лестницу. Не глядя вниз, медленно, ступенька за ступенькой добрался до площадки второго этажа. Дальше дороги не было. Путь наверх преграждало нагромождение обвалившихся строительных конструкций, облепленных скользким зеленым мхом.

Юрий заметил, что на площадке подозрительно светло. Он поднял глаза. Источником света была громадная дыра в крыше девятиэтажная. Сквозь пелену повисшей в воздухе пыли

на него смотрели сразу три солнца. Размытые пятна. Одно большое и два, на том же уровне, но поменьше. Никаких чудес. Юрий знал – эффект ложных солнц² иногда возникают в атмосфере из-за преломления солнечного света в кристалликах льда. Тут, по всей видимости, лед заменили частички пыли. Дело было не в знании физики. В школе Юрий не мог терпеть точных и естественных наук. С физикой дружил лишь на твердую «троечку». Любил он, как раз, литературу и эффектом ложным солнц заинтересовался из-за рассказа Джека Лондона. Главный герой там рассуждал о картинках. Эпизодах человеческой жизни. Одни не имеют начала, другие – конца. Третьи лишены и того, и другого. В основу рассказа было положено приключение путешественников, упорно бредущих по снежной пустыне, пытаясь нагнать и убить какого-то парня. Проводник не знает за что и почему. Он лишь поражается неумейной жажде мести своих спутников. Они появились ниоткуда. Прошли через адские испытания под светом ложных солнц, добились своего и ушли неизвестно куда.

Вот и он любит ложными солнцами. Имеет свою картинку с плохим началом и неизвестным концом. Корнилов вздохнул. Помимо всего прочего, ложные солнца считаются плохим знаком. Князь Игорь перед своим походом увидел их аж четыре. Да, уж, Юрок, по количеству солнц Игорь тебя обогнал, а вот по дурным предзнаменованиям заметно отстал. На поверхности ты пробыл всего ничего, а уже ухитрился разозлить крыс, напороться на мертвеца и получить знак с неба. Жуковка? Не смеши. Ложись прямо здесь, складывай ручонки на груди и помирай. Вот тебе и вся тропа ложных солнц.

Дел было по горло и помирать Корнилов решил чуть позже. Да и новый приступ кашля вытеснил из головы все мысли о смерти. Несколько минут Юрий отдыхал, прислушиваясь к стуку крови в висках. Плохи дела. И без градусника ясно, что поднялась температура. Организм сопротивлялся простуде, но сопротивление это слабело.

Юрий осмотрелся. Три квартиры. Дверь уцелела только на одной. Интересно, что за ней? Стоп, дурак. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Иди в любую квартиру из двух оставшихся. Чем они для тебя плохи? Самые обычные жилища рядовых москвичей. Правда, слегка подпорченные мародерами. Груды мусора на полу, ржавые трубы. Отыщешь окно и попытаешься выбраться из проклятой девятиэтажки. Может, с другой стороны дома крыс нет. Юрий хихикнул, вообразив себе столбик с приколоченной к нему табличкой «Крыс нет». Хихикнул и шагнул к двери. Тихонько надавил на ручку. Дверь распахнулась, издав нежный скрип. Припорошенный толстым слоем пыли и мелкого мусора пол успокоил – на нем не было следов ни человеческих ног, ни крысиных лап. Юрий переступил через порог, готовый тут же сигануть обратно. Ох, как бы сейчас ему пригодился автомат. Чертов Стрелок даже умереть с пользой он не смог – где-то посеял оружие.

Корнилов миновал кухню, на которой из всего инвентаря была лишь газовая плита, неизвестно зачем-то разобранный. На стенах еще сохранились полосы обоев, на потолке – люстра. Правда, два из трех шаров были разбиты. На стене самой маленькой комнаты висела детская книжная полка. Очень похожая на ту, что была у Юрия. Просто четыре доски и пара раздвижных стекол. Эта полка болталась вертикально, на одном гвозде, словно стрелка часов, замершая на шести. Рядом, на вбитых в стену гвоздях висели какие-то лохмотья. Прямо под ним стояла мятая алюминиевая кастрюля и эмалированный таз. В кастрюле Юрий рассмотрел слипшиеся в куски крупинки сероватой массы, из которой торчала ложка. Таз был закопчен. На дне его чернела вязкая жидкость и обломки обожженного дерева.

В следующей комнате на полу лежали три старых матраца и груда оконных занавесок, заменявших одеяла. Из многочисленных дыр в матрацах торчали комья серой ваты. Четыре

² Паргелий (от др.-греч. *παρά-* и *ἥλιος* «солнце» – ложное солнце) – один из видов гало, выглядит как светлое радужное пятно на уровне солнца. Возникает вследствие преломления солнечного света в анизотропно ориентированных кристалликах льда, парящих в атмосфере. В «Слове о полку Игореве» упомянуто, что перед наступлением половцев и пленением Игоря «четыре солнца засияли над русской землей». Воины восприняли это как знак надвигающейся большой беды.

окна были наглухо заделаны тем, что нашлось в квартире – мебельными досками, снятыми с петель межкомнатными дверями и выдвижными ящиками письменного стола. В одно из окон кто-то ухитрился втиснуть пару кресел. На полу чернела гора углей и обгоревших досок.

В проеме двери смежной комнаты Корнилов увидел перевернутый вверх ножками детский табурет. В этой картине была такая обреченность, что Юрию не захотелось входить в последнюю комнату. Появилось предчувствие – он найдет там обитателей квартиры. И все-таки Корнилов вошел. Интуиция не подвела. На середине комнаты лежали три скелета в истлевшей одежде. Мужчина в синих тренировочных брюках и черном свитере. Женщина в юбке и полосатой блузке с коротким рукавом. Третьей была девочка лет трех. Красное платьице с большими белыми горошинами ярким пятном выделялось на общем сером фоне. Руки малышки сжимали куклу с широко раскрытыми синими глазами. Светлые кудряшки пластмассовой девочки очень походили на локоны ее хозяйки, облепившие маленький череп. На кукле не было платья, а одна ее нога почему-то валялась на полу.

Неизвестно зачем Корнилов решил исправить это. Он сел на корточки. Взял куклу, поднял ногу. Пластмассовый сустав с негромким щелчком вошел в отверстие. Теперь – порядок.

Возвращая куклу девочке, Юрий заметил, что шейные позвонки маленького скелета заметно сдвинуты. У женщины, которая, скорее всего, была матерью малышки, на шее наблюдалась та же аномалия. У мужчины с шейными позвонками все было в порядке. Зато рядом с правой рукой на грязном ковре лежало лезвие. На его зазубренных краях виднелись темные потеки.

Юрий вскочил. Попятился к двери. Запутался ногами в табурете и со всего маху грохнулся на пол. Произошедшая в этой квартире драма предстала передним во всей ужасающей полноте. Оказавшись в этом доме, маленькая семья пыталась выжить. Отец как мог укрепил дверь подъезда. Забаррикадировал окна. Сначала глава семьи соблюдал аккуратность – огонь для освещения и приготовления пищи разжигали в тазу. Потом – просто на полу. Тянулись бесконечные дни и пропитанные безысходностью вечера. Возможно, эти люди ждали, что придет помощь. Надеялись до последнего. А когда надежда угасла, решили умереть. Все разом. Мужчина задушил жену и дочь, а потом... Или вскрыл вены, или полоснул лезвием себе по горлу.

Корнилов почувствовал, как подкашиваются ноги. Шатаясь, добрался до матраса. Сел. Чтобы прогнать из головы мысли о несчастной семье, расстегнул комбинезон, достал карту. Принялся изучать маршрут. Очень важное и нужное занятие. Он собирается выйти за пределы города, пересечь несколько рек, но пока не представляет даже, как выбраться из этого крысиного гнезда. Пока что ему светило только одно – присоединиться к людям, которые отдали Богу душу в этом доме. Стать пятым.

Юрий свернул бесполезную карту и растянулся на матрасе. Протер стекла противогаза, чтобы лучше видеть трещины на потолке. Надо успокоиться. Трезво обдумать положение. Для начала научиться не придавать трупам большого значения. Не впадать в истерику при виде мертвецов. Принять их как неотъемлемую часть пейзажа мертвого города. Сделать своим девизом избитую фразу «Им сейчас лучше, чем нам». Примерно так.

Юрий собирался прикрыть внезапно отяжелевшие веки, но тут услышал шаги. Они доносились из соседней комнаты.

Второй этаж. Забаррикадированные окна. Проникнуть бесшумно сюда не мог никто. Значит, слуховая галлюцинация или... Шаги были слишком легкими для взрослого человека. Девочка с куклой. Она идет поблагодарить его за отремонтированную ногу!

Корнилов хотел встать, но смог лишь повернуть голову к двери. Так и есть. На пороге стоял скелет, наряженный в красное с белыми горошинами платье.

Говорить девочка не могла. Смотреть – тоже. В пустых ее, черных глазницах плавала пустота. Зато глаза куклы были живыми и осмысленными. Они внимательно смотрели на лежащего человека.

– Что ты делаешь во владениях Крысиного Короля?

Тонкий, писклявый голосок. Говорила кукла. Рот ее не открывался. У Юрия, который каким-то чудесным образом сохранил способность соображать, мелькнула мысль о чревовещании. Почему бы и нет? Мертвецы освоили эту науку в совершенстве. Не умеют разговаривать сами – используют для задушевных бесед с живыми подручные предметы. С этим все ясно. Другое сложнее. Ну и вопросик. Как на него прикажете отвечать? Собраться с духом и выпалить: я – Щелкунчик. Эти малышки читали Гофмана? Если да, то такой ответ их вполне удовлетворит. Где же еще шляться Щелкунчику, как не во владениях Крысиного Короля и щелкать своим деревянным...

Корнилов оттолкнулся рукой от пола и сел. Раз уж разговаривать с мертвецами, то быть при этом предельно откровенным. Не плести сказки Гофмана. Эти малышки моментально почувствуют фальш и воплотят его мечту в жизнь: он станет пятым привидением девятиэтажки.

Корнилов сорвал с себя противогаз. Тому, кто болтает с мертвецами, зараженный воздух уже не повредит.

– Я оказался здесь случайно. Спасался от крыс, – Корнилов удивился тому, что слова вылетают из горла беспрепятственно, без привычного болевого спазма. – Сразу уйду если... Позвольте.

Ага. Ты еще добавь о том, что имеешь срочнейшее дело в Жуковке и время поджимает. Так они тебя и отпустили.

Юрий оказался прав. Его объяснение не удовлетворило призраков. Цоц-цок. Кости ног девочки застучали по полу. Оказавшись рядом с Корниловым, мертвая малышка протянула руку. Как только голые фаланги пальцев легли на плечо, Юрий даже через несколько слоев ткани почувствовал могильный холод.

– Мы отпустим тебя, – пискнула кукла. – После ужина.

Глава 4. Стук

Юрию пришлось подняться. От такого приглашения не отказываются. К тому же ему очень хотелось раз и навсегда распрощаться с чувством, которое вызвало у него прикосновение мертвой руки. И вот он идет вслед за скелетом с куклой. Шагает в комнату, где его поджидают другие мертвяки. Думалось ли, гадалось ли тебе, Корнилов, что на поверхности тебя ждет такое испытание? Нет. Ожидал он всего: жажды, голода, схваток с мутантами и людьми. А вот на тебе – ужин с мертвецами в царстве Крысиного Короля.

Сказать, что Юрий переступил порог комнаты с тяжелым сердцем, означало бы не сказать ничего. У него поджилки тряслись от страха, а мочевого пузыря готов был выплеснуться прямехонько в штаны. Как выяснилось – было от чего.

Окна исчезли. Все стены были сплошь увешаны картинами в тяжелых, позолоченных рамах. Творения живописи смотрели на Корнилова и с потолка. Сюжеты полотен были хорошо знакомы Юрию – он много раз рассматривал их на родной станции. Вот Богдан Хмельницкий рвется присоединиться к России, вот солдат в каске кладет руки на плечи мальчика-партизана, вот...

Корнилов сразу понял: с картинами что-то не так, но лишь теперь сообразил в чем дело. Лица. У исторических персонажей и обобщенных образов были лица его знакомых. Комиссар в черной коже стал Ключником, председатель колхоза, любующийся колосьями, нацепил очки и полысел, превратившись в Ивана Ивановича, колхозница в розовом платке обрела черты покойной Людмилы... Вот так картинная галерея!

Комната освещалась зеленоватым туманом, плавающим в нескольких сантиметрах от пола. От этого Корнилову казалось, что он ступает по болоту. Он поднял глаза.

На ковре устроились все участники ужина. Скелеты родителей девочки успели обтруситься кожей. Серая, покрытая разводами слизи и темными точками гниения, она не благоприятствовала выделению желудочного сока, необходимого для трапезы. Глаза мужа и жены горели зеленым светом – в унисон глазам крыс и туману.

Третьим гостем был Стрелок. Он сидел, широко раскинув ноги, обутое в берцы. Такие новенькие, что на подошвах еще различалось клейма производителя. Единственная рука елозила по волосам – мертвец приглаживал пятерней растрепавшиеся волосы. Выглядел член братства убийц намного свежее чем остальные. Вполне логично – парень умер совсем недавно. Чего нельзя было сказать о следующем участнике пира.

Дорогомиловский Дворник сложил ноги по-турецки и устроил на них свою знаменитую метлу. Свой черный комбинезон он туго перепоясал широким ремнем из потрескавшегося кожаменителя, за который был заткнут большой тесак с деревянной ручкой и ржавым лезвием. Голову Хабиба прикрывала сплюснутая в блин фетровая шляпа. На стеклах очков играли зеленые блики. Оголенные мышцы лица судорожно подергивались. Дворник то ли гримасничал, то ли улыбался гостям, периодически выпуская из ввалившегося рта ручейки белесой пены. Они падали на ковер и с шипением прожигали ткань насквозь.

Корнилову казалось, что его уже ничто не сможет поразить и ошибся. Рядом с дворником сидели супруги Сомовы. Людмила опустила голову, изучая свои изуродованные запястья. Она никак не отреагировала на появление Юрия. Зато Дима, на груди которого красовалось багровая пляма, приветственно махнул рукой.

– А вот и ты, Корнилыч! Я чувствовал: недолго задержишься на том свете. Прошу, как говорится, к нашему шалашу. Отужинаем. Сядем рядком, да поговорим ладком. Трупки ведь дружить должны. Правильно я грю?!

В знак согласия Дворник дернул подбородком и выплюнул на ковер здоровенный комок слизи. Остальные одобрительно закивали. Подтверждая слова Сомова, задвигались и загово-

рили люди на картинах. Поднялся невообразимый галдеж. Казалось, этому инфернальному базару не будет конца, но вдруг все смолкло. Невидимый дирижер взмахнул своей палочкой, приказывая оркестрантам заткнуться. Наступила тишина.

– Садитесь, Корнилов, – пропищала кукла из-за спины Юрия, подражая тону Ивана Ивановича. – Или вас надо просить дважды?

Корнилов обернулся. Девчонка, по-прежнему прижимая куклу к груди, уселась на табуреточку. Она тоже изменила облик. Превратилась в обычного ребенка с золотыми кудряшками и ангельской внешностью. На щеках малышки играл слишком яркий, чахоточный румянец. А голова... Девочка очень старалась, но никак не могла придать ей правильного положения. Голова постоянно заваливалась то на одну, то на другую сторону. Запрокидывалась назад или наоборот, падала на грудь. Давали знать о себе смещенные шейные позвонки.

Наконец малышке удалось сбалансировать голову. Отливающие зеленой плесенью глаза уставились на Корнилова. Розовые губки раздвинулись в улыбке.

– Жуковка, говоришь? Забудь, дядя Юра. Ты останешься с нами. Навсегда. Навечно. А вечность тянется очень долго. Успеешь проголодаться. Поужинай, чем черт послал.

Пухлая ручонка с вытянутым указательным пальцем поднялась в направлении сидящих на ковре мертвецов. Корнилов посмотрел туда и окаменел, увидев то, чем собирается ужинать компания трупов.

В центре круга лежал крысиный король – три десятка крыс, хвосты которых сплелись в узел. Они были живыми. По крайней мере, каждая крыса сучила лапками, выгибала спину, норовя сбежать с пиршественного стола. Совсем как та тварь, которой Юрий перебил позвоночник кирпичом. Само собой, смыться у крыс не получалось.

– Кюшай, дарагой, нэ обижай хозяина!

Дворник выдернул из-за ремня тесак и занес его над Королем, собираясь разрезать чудопирог на куски. Крысы отчаянно запищали. Юрий не хотел быть свидетелем зрелища разрубления клубка черных тварей. Он закрыл лицо руками. Пальцы коснулись гладкой резины. Что за ерунда? Он ведь оставил противогаз в соседней комнате! Кто натянул ему намордник так, что он и не заметил? Ответ на все вопросы стал очевиден, когда Корнилов понял, что находится в горизонтальном положении.

Он лежал на матрасе. Просто вырубился и увидел сон. Облегчение от того, что никакого пира мертвецов в реальности не было, сменилось разочарованием. Лучше бы он умер. Разбуживший его писк доносился с улицы. Крысы, наверное, опять делили какую-нибудь добычу. Юрий позавидовал их умению приспосабливаться к ситуации. Твари, сто процентов, даже не поняли, что миру пришел каюк. Просто решили, что наступил их золотой век.

Бог с ними, с крысами. Пора задуматься о себе любимом. Он уснул заболевающим, а проснулся больным. Боль свила гнездо в каждом суставе. Казалось, еще чуть-чуть и при каждом движении он будет издавать скрип. Даже мигать было больно – начинали ныть глазные впадины. Как раз тот случай, когда промедление смерти подобно.

Корнилов встал. Если накануне он искал и не находил выхода, то теперь знал точно, что следует делать. Болезнь и отчаяние придали ему решительности. Он не станет умирать в праздности. Если суждено сдохнуть, то сделать это надо в движении. Чтобы на том свете не было мучительно больно.

Юрий поднял матрац и отнес его в соседнюю комнату. Еще два рейса и все скелеты были укрыты. Теперь точно не встанут, не будут докучать ему своими приглашениями.

Следующий этап – занавески. Корнилов разорвал их на одинаковые полосы, старательно скрутил в жгуты и связал вместе. Подергал. Получилась приличная веревка. Она должна выдержать его вес и достать до земли.

Новая задачка была потруднее. Юрий вышел из квартиры. Чтобы спуститься на площадку первого этажа потребовалось зажечь фонарик – он проспал до наступления ночи. Идя по лест-

нище, Корнилов не смотрел вниз. Его перестал интересовать крысиный король и его поданные. Не доросли еще хвостатые до того, чтобы занимать мысли человека. Опасные? Да. Страшные. Нет. Волновало Юрия другое. Сможет ли лестница выдержать двоих? Луч фонарика коснулся ног стрелка. Хм... А берцы у него действительно замечательные.

Юрий сунул фонарик в карман, взял труп за ноги. Поворот на сто восемьдесят градусов. Теперь к лестнице. Не думать о ее прочности, не вспоминать о том, что болен. Просто вверх. Когда голова мертвеца застучала по ступенькам, хвостатая братия внизу засуетилась. На Корнилова уставились сотни зеленых глазок.

– Че, любопытно? – усмехнулся Юрий. – То ли еще будет!

До квартиры он так и не дотянул. На площадке пришлось устроить привал и отдышаться. Удивительно, но физические упражнения оказали неожиданный и благотворный эффект. Корнилов хоть и взмок от пота, но обрел второе дыхание.

Он втащил мертвеца в квартиру и бросил неподалеку от укрытых матрацами скелетов. Теперь – окна. Поочередно выглянув из них через щели в баррикадах, Юрий увидел то, что и ожидал увидеть. Крыс на улице было немного. Всего лишь дежурные. Часовые, которые мгновенно созовут остальных, если появится стоящая добыча.

После очередной передышки, Корнилов взялся за баррикады. Ему требовалась два окна. Каждое – по разные стороны дома. Пока все шло как по маслу. Одно окно выходило на улицу, идущую в нужном направлении. При тусклом свете затянутой облаками луны Юрий различил темные полосы рельс и остов трамвая. Чудно. Если план не сработает до конца, он сможет отсидеться на крыше. Последняя передышка. Самая основательная. Теперь пора.

Корнилов привязал веревку к детскому табурету, который должен был заменить «кошку». Бросил веревку вниз и добился того, чтобы две ножки табурета уперлись в край подоконника. Рыпаться еще больше смысла не имело. Если ему суждено сорваться и бухнуться с высоты второго этажа в объятия крыс – значит такова жизнь. Се ля ви, как говорят у них.

Юрий подхватил труп Стрелка подмышки, взвалил на подоконник. Если раньше он старался не шуметь, то теперь поступал наоборот. Высунулся из окна по пояс.

– Эй, маленькие уроды! Ловите ужин!

Безрукий душегуб бухнулся на асфальт с гулким стуком. Корнилов рассчитывал, что дожидаться крыс придется несколько минут, но все произошло значительно быстрее. Хвостатые монстры повывлазили из своих укрытий, запрудили улицу, сгруппировались вокруг трупа и принялись терзать синюю химзу, добираясь до мясного деликатеса. Юрий бросился к соседнему подоконнику, перелез через него и повис над пустотой. Табурет предательски запрещал, но отступать было поздно. Вперед! Корнилов и сам не заметил, как соскользнул вниз. Медлить было нельзя, но Юрий остановился, чтобы перевести дух. Высоты он боялся меньше, чем прыжков на верхотуре, но все же боялся.

За углом вовсю шла работа над трупом. Зато путь вперед был чист. Крыс поблизости не наблюдалось. Корнилов двинулся в намеченном направлении. Сначала медленно, шаг за шагом. Потом перешел на бег. У трамвая остановился и с радостью констатировал, что его не преследуют. Жаль только, что хваленое второе дыхание закончилось. В течение последнего получаса он действовал на пределе своих возможностей. Две неразлучных подружки усталость и болезнь не смогли противостоять фонтану адреналина, выплеснувшего из скрытых источников организма. Притихли, затаились и дождались своего часа. Теперь, когда запасы жизненной энергии иссякли окончательно, Корнилов понял, что едва может передвигать ноги. Он поплелся вперед, спотыкаясь на каждом шагу. Что называется, на полном автомате. В ушах стучали кузнечные молоты. Грудь болела так, словно он вдохнул порцию огня. Стекла противоголозов запотели от горячего дыхания.

Юрий включил фонарик, чтобы хоть примерно иметь представление о дороге. Не о той, что ему предстояло пройти. Строить столь глобальные планы было просто смешно. Видеть,

хотя бы то, что делается у ног. Только и всего. На большее Корнилов уже и не рассчитывал. Чтобы не потерять сознание, он начал считать шаги. Десять. Еще десять. В какой-то момент он понял, что сбился со счета. Заставил себя вернуться к арифметическому упражнению, но смог досчитать лишь до семи. К черту. Раз не получается, то и не надо. Главное двигаться. Уйти как можно дальше от владений Крысиного Короля. Интересно, а как далеко они простираются? Может ничего другого и не осталось? Может чудовище из тридцати сплетенных хвостами крыс возглавило новое мировое правительство и влияние этого монстра достигает самых удаленных уголков Земли?

Юрий понимал, что мысли его балансируют на тонком гребне стены, разделяющем реальность и бред. Однако остановиться не мог. Взрыв, потрясший основы мироздания, повредил все причинно-следственные связи. Землей правят крысы, а небеса оккупировали более жизнеспособные, чем человеческие крысиные боги. Почему бы и нет? Была ведь раса титанов, существовала человеческая цивилизация. Теперь наступило владычество крыс... Стоп! Впереди что-то мелькнуло. Не крыса, не собака. Что-то крупнее, размером с человека. Только почему-то с одной рукой. Стрелок? Пришел мстить за то, что Корнилов отдал его труп на съедение крысам? Ну, нет. Если бы такое было возможно, мститель не стал бы прятаться. А то, что видел Юрий, без сомнения, не желало попадаться ему на глаза. Нырнуло в черный проем двери какого-то одноэтажного дома.

Корнилов вытащил нож, вышел на середину улицы. Он устал бояться. Пусть теперь боятся его.

Встряска помогла остановить лавину надвигающегося бреда. Никаких крысиных королей и богов. Он идет по Москве и находится всего в сотне метров от заветного клада, оставленного предусмотрительным Иваном Ивановичем. Если на Земле и существует, чье-то царство, то это – царство лысых стариков в очках, с мерзкими колючими плечиками и елейными голосками. Они владели треклятым миром в прошлом, они очухались от потрясения и рвутся к власти сейчас. Ничего не изменилось, кроме декораций. Несокрушимая и легендарная армия иванов иванычей вновь сминает ряды инакомыслящих. И нет от нее спасения. Спасутся от гибели лишь те, кто будет действовать в интересах и во имя лысых очкариков-всезнаек.

Проходя мимо двери, в которую юркнуло таинственное однорукое существо, Юрий направил в темный проем фонарик. Никого. Ничего, кроме нагромождения то ли шкафов, то ли стеллажей. Ну и хрен с тобой. Не хочешь показываться и не надо. Поболтаем позже, когда он доберется до автомата.

Впереди был перекресток. Еще пятьдесят метров и Корнилов увидел цель своего путешествия – лежащую на боку афишную тумбу. Сомнения рассеялись окончательно, когда Юрий увидел прислоненную к основанию тумбы решетку ливневой канализации. Это и есть тайник. За спиной послышался хруст. Корнилов не стал оборачиваться. Лишь бросил через плечо равнодушное «отвали» и рухнул на колени у тумбы. Звон упавшей решетки был таким громким, что от неожиданности Юрий дернулся сам. Направил луч фонарика в пустое чрево тумбы. Вот оно. Жестяной, выкрашенный в защитный цвет продолговатый ящик.

Корнилов потянул его к себе. Опять шорох за спиной. На этот раз – совсем рядом. Не можешь подождать, падла? Сейчас-сейчас. Отстегнуть застёжки, откинуть крышку...

Юрий не выдержал и оглянулся. За ним наблюдал человек. Вовсе не однорукий. Просто левая рука висела на перевязи. В лунном свете поблескивали стекла противогоза. Незнакомец сделал шаг вперед. Корнилов оперся на ящик и встал. Все ясно. Придется драться. Где нож? Ах, да. На земле. Рядом с ящиком. Наклоняться за ним нельзя. Ноги у парня целы, а Юрию вовсе не хотелось получить носком берца в зубы. Ничего-ничего. Он болен и слаб, но и противник тоже не пышет здоровьем. Наверняка рука у него сломана и это уравнивает шансы.

Корнилов в свою очередь сделал шаг вперед, одновременно принимая боевую стойку. Как там его учил тренер? Захват, подсечка... Вместо того, чтобы провести задуманный прием, Юрий потерял равновесие и повалился незнакомцу на грудь.

Ну, вот и все. Поединок закончился, так и не начавшись. Он выдохся. Ящиком завладеет сильнейший.

Корнилов ожидал удара, падения, всего, что угодно. Однако мужик подхватил его здоровой рукой и помог удержаться на ногах.

– Ты шо, хлопец, сказився? Ну-ну, не падай. От так. Це добре... Держись, Хома, бо йдэ зима.

Корнилов понял, что незнакомец не собирается его убивать. Наоборот парень обвил рукой его талию и не позволял упасть. Украинский говорок окончательно успокоил Юрия.

– Ящик, – проронил он. – Там...

– Бачу-бачу, – кивнул мужик. – Сейчас я отведу тебя в одно тихое местечко, а потом притащу туда твой ящик. Дамовилися?

Корнилов не знал значения слова «дамовилися», но по интонации понял, что оно означает «договорились». Следовало бы сказать, что ни о чем они не договаривались, что ящик принадлежит ему. И вообще послать заботливого хохла куда подальше. Однако ноги подкашивались, голова гудела и это отбивало всякое желание препираться.

– Дамовилися...

Незнакомец повел Корнилова в обратную сторону – к той самой двери, где прятался.

– Вижу, парень ты бойкий, – заговорил он по пути. – Но ссориться нам ни к чему. Треба разом держаться. Як кажуць, гуртом и батьку легше бити.

Поговорка об отце, которого легче бить скопом была так неожиданно смешна, что Корнилов хихикнул. Он понял, что способен идти сам и отстранился.

– Ты кто такой? Как зовут?

– Степаном кличут. Фамилия – Бамбуло. Кликуха – Стук. А ты?

– Корнилов. Юра.

– Ага. Юра губа не дура. Вот и познакомились. Входи, не бойся. Проверено – мин нет.

Степан взял у Юрия фонарик и провел его лучом по лабиринту пустых стеллажей. Весь пол был устелен ковром из разорванных на листы книг. Корнилову казалось кошмаром идти по ним, а вот его нового знакомого такие мелочи, похоже, не смущали.

– Тут, наверное, библиотека когда-то была, – комментировал разговорчивый Стук. – А вон там – добры закуток. Можа книгохранилище. Можа, еще какая хрень. Я на цю кимнату ще вдень напоровся. Окон нема и двери крепкие. Самое то. Полный марафет.

Через несколько минут Юрий оказался в комнате, о которой говорил Степан. В ней действительно не было окон. У стен стояли несколько шкафов. На пыльных, перекосившихся полках – крошево битого стекла. Массивный письменный стол в углу. Обрывки каких-то плакатов на стенах. Круг погасшего костра на паркетном полу. Куда выходит дым? Юрий поднял глаза. В вентиляционном отверстии под потолком подрагивали повисшие на паутине бумажные обрывки. Неплохо. Есть тяга. Не задохнешься. Комната на самом деле могла служить неплохим убежищем.

– Ну, ты устраивайся, – обернулся у двери Степан. – А я зараз...

– Давай, – кивнул Корнилов. – Устроюсь.

Он сел на пол, привалившись спиной к тумбе письменного стола. Вытянул ноги. Хорошо. Ему повезло со Степаном. Даже если придется кое-чем с ним поделиться – все равно повезло. Да уж, он не смог бы разобраться с проблемами самостоятельно. Значит, Стука можно считать подарком судьбы? Не слишком ли он спешит? Где гарантия, что этот парень вообще вернется, а не смоется с ящиком в неизвестном направлении?

Корнилов ощутил прилив беспокойства. Он доверился человеку, о котором не знает ровным счетом ничего.

Юрий встал. Сначала он собирался выйти и посмотреть куда подевался Бамбуло, но передумал. Поздно. Если вернется, то вернется, а если нет... Жребий брошен. Лучше не тратить последние силы на бесполезные трепыхания. Корнилов вернулся на место. Беспокойство сменилось апатией. Если судьбе угодно, то его тропа ложных солнц закончится прямо здесь – у тумбы письменного стола.

Глава 5. Испорченный пассажир

Корнилов почти смирился с тем, что брошен Степаном на произвол судьбы, когда с улицы послышался шум. Шаги и скрежет. Вскоре в дверном проеме появился Стук. Он основательно запыхался, поскольку ящик пришлось тащить волоком.

– А вот и я.

Юрий ничего не ответил, а его новый знакомый оказался настолько тактичен, что интересоваться содержимым ящика не стал. Просто прикрыл дверь, снял противогаз и уселся рядом с Корниловым.

– Ты как?

Юрий тоже снял противогаз, провел пальцами по покрывшемуся испариной лбу...

– Не очень. Простуда.

– Це дрэнна.

При свете лежащего на столе фонарика, он рассматривал лицо и внешность своего нового знакомого. Это был мужчина лет тридцати пяти. Бог обделил его ростом, зато позволил раздаться в ширину. У Стука были крепкие, кривоватые ноги, широкая грудь, короткая бычья шея, наголо бритая голова. Первое впечатление от этого приземистого громилы кардинально менялось, стоило увидеть его глаза. Голубые, как два озерца, они смотрели на мир с детской наивностью и добротой. Бамбуло носил рыжие усы а-ля Тарас Бульба, и если ему чего и не хватало, для полного сходства с запорожским казаком, так это оселедца на голове.

Стук тоже рассматривал Юрия. Когда играть в гляделки обоим надоело, Корнилов кивнул на ящик.

– Там – оружие, еда, а может и лекарства.

– Це добре.

И опять никаких попыток открыть заветный ящик. Молодец. Не разевает рот на чужой каравай, вопреки расхожему мнению о жадных хохлах. Юрий был слишком слаб, чтобы тратить силы на принятие вертикального положения. До ящика он добрался на четвереньках. Расстегнул застёжки, поднял крышку. Сверху лежал «калаш» с деревянным прикладом, ремень с черной кобурой, из которой торчала рукоятка «макарова». Корнилов вытащил оружие, положил на пол и откинул кусок брезента. Фляжка. Полотняный мешок, наполненный, скорее всего, грибами. Увесистый бумажный сверток. Судя по проступившим на нем жирным пятнам – свинина. На самом дне жестяная миска, кружка, ложка. Большой фонарь, пара запасных батареек к нему. Компас. Большой рюкзак. Три коробка спичек. Несколько противогазовых фильтров, две «эргэшки», запасные обои. Все.

Корнилов испытал сильное разочарование. Набор сам по себе был неплох. Не хватало главного – лекарств. Юрий обернулся к Стуку, который так и не сдвинулся с места.

– Тут – еда.

– Це добре.

– Что ты заладил: добре, добре! – разозлился Корнилов. – Подгребай, перекусим.

Ему показалось, что он своей резкостью он обидел Степана. Пытаясь сгладить грубость, Юрий добавил:

– Сало. Друзья положили мне сало.

Дурак. Сейчас он обидится еще больше. Оскорбится намеком на неземную любовь украинцев к салу.

Стук не обиделся. Не спеша подошел, осмотрел на разложенные богатства.

– Хм... Падаю в долю.

Выдав эту странную фразу, рыжеусый скрылся за дверью. Вернулся через несколько минут с зажатой под мышкой доской и ворохом бумаги в руке.

– Ножика не одолжишь?

– Бери.

Стук уселся на пол, зажал доску между колен и принялся отщеплять от нее лучины.

– Что с рукой? – поинтересовался Корнилов.

– Мои друзья. Мне они ничего не положили на дорожку.

Интересный ответ. Если он правильно понял, друзья Стука не отличались чрезмерной заботливостью. Вместо этого сломали ему руку.

– За что?

– За перекидку³, – Стук придвинулся к остаткам костра, свернул бумагу в комок и расставил расщепленную лучину шатром. – Понимаешь, Юрец: испорченный пассажир⁴ попался. Засек подновку. Ну и... Деревья коза лозу, а вовк – козу...

– Не понял.

– И я не понял, – усмехнулся Степан, поднося спичку к костру. – Сам не понял, как со сломанной рукой на поверхности оказался.

– Темнишь ты что-то, Стук. Перекидка, подновка, пассажир какой-то... Испорченный.

– И ничего не темню. Катала я. Карточный шулер. Был.

Юрия осенило. Шулер. Вот откуда этот странный жаргон. История с испорченным пассажиром, перекидками-подновками и падением в долину обрела смысл. Стук смухлевал, был пойман за руку, которую ему и сломали. Крутые, однако, нравы у картежников в Метро.

– Ясно. А на поверхности-то как оказался?

– Так ведь жить захотел, – Стук пожал плечами и принялся разворачивать свертки из ящика. – Пристал к какой-то банде, что на поверхность выходила. Сделал ноги. Мне, братан, в Метро дорога заказана – пришибут кореша за то, что их подставил. Таки едела... О, чаек! Заварим?

Через несколько минут в миске и кружке закипела вода. Стук всыпал в нее мелко растертую грибную смесь. По комнате поплыл ароматный запах. Бамбуло окончательно освоился и, ловко орудуя здоровой рукой, принялся нарезать сало на тонкие ломти.

– Думал, выберусь из Метро, а потом опять под землю нырну, на другую станцию. Сразу ведь скумекал, что тут страшнее, чем там. Не вышло. Во-первых, не всех с поверхности обратно выпускают, во-вторых... Не кажи «гоп», доки не перескочив. Сiju теперь тут...

– А спутники? – Юрий взял протянутую кружку чая, отпил, передал Стуку. – Почему с ними не пошел? Сам же говорил: гуртом и батьку легче бить.

– Я ж тебе казав: банда! Они, когда увидели, что чужой, пришить меня хотели. Просто так. Без повода. Вот только не успели. Их самих. Раньше. Того...

Степан в красноречивом жесте провел ребром ладони по шее, помрачнел, принялся яростно двигать челюстями, пережевывая сало.

– На парнях твоих синяя химза была, так? – поинтересовался Корнилов, уже догадавшись в чем дело.

– А ты откуда знаешь? – выпучил глаза Стук. – Точно. Синяя.

– Знаю. Видел одного. Мертвого и с оторванной рукой.

Корнилов понял, что спутниками Стука оказались убийцы из Союза Стрелков, позавидовал везению нового знакомого, но тут же насторожился. Слишком складно у Степана все выходило. И от бабушки ушел, и от дедушки ушел...

– А что случилось?

– Верить, Юра, сам не понял. Не до того мне было. Когда заварушка началась, я сразу – ноги в руки. Толком-то и рассмотреть ничего не успел. На Большой Дорогомиловской, кажись,

³ Перекидка – шулерский прием, который позволяет вернуть карты в первоначальное положение.

⁴ Испорченный пассажир – игрок в карты, который знает шулерские приемы и не поддается на их уловки.

хренотень эта началась. Деревья там... Разрослись. Что-то в них сидело. Сначала один парень закричал, словно его на куски резали. Потом другой. Пальба. Вопли. Только стреляли они, по моему, не по целям. А так... От испуга. Среди деревьев прятались... Может мутанты, а может и кое-что похлеще. Амба. Полный марафет.

– Дорогомиловский Дворник? – улыбнулся Корнилов. – Бывалые люди говорят, что он в этих местах шастает.

– Плюнь и разотри. Нет никакого Дворника. Там... Что-то похуже.

Стук замолчал, опасливо взглянул на дверь и принялся ворошить костер щепкой. Наконец, поднял глаза на Юрия.

– А ты? Чей-то все я про себя рассказываю, ты все молчишь? Умий сказать, умий змолчать. Так, что ли?

– Да нечего особенно рассказывать, – вздохнул Юрий. – Кроме одного. Меня в Метро тоже не слишком ждут. В командировку отправили. Пойди туда не знаю куда, принеси то...

Корнилов не договорил. Его взгляд упал на один сверток, оставшийся в ящике. Желтая бумага. Тонкая резинка. Юрий хорошо знал такие пакеты – так упаковывали средства оказания первой помощи.

– Стук, подай-ка...

Получив пакет, Корнилов так спешил, что разорвал бумагу зубами. Есть все-таки Бог на свете. В пакете был рулончик бинта, пузырек с йодом и (о чудо!) десяток пластин с таблетками. Юрий выбрал упаковку аспирина, выдал на ладонь сразу пять таблеток. Забросил в рот, морщась, принялся разжевывать. Перехватил встревоженный взгляд Бамбуло.

– Это поможет справиться с простудой. Через пару часов буду как новенький.

– Ну, насчет пары часов – это ты загнул. Поспать тебе надо, отдохнуть. Завтра, как стемнеет, может и выберемся отсюда. Ты не против если я... Это... С тобой пойду?

Вопрос застал Корнилова врасплох. Он сам собирался начать разговор о том, что делать дальше. Обсудить со Стуком все варианты. Насчет возвращения в Метро – тоже. Ведь теперь, когда они прилично экипированы, появилось время отыскать вход на одну из ближайших станций. То, что придется скрываться, волновать пока никого не должно. Проблемы следует решать по мере их поступления. И вот Стук предложил идти вместе. Куда? Похоже, парень окончательно поставил крест на возвращении под землю. А ты, Юрок, судя по всему, еще не принял окончательного решения. Долго будешь крутить хвостом?

Корнилов забросил в рот еще одну пригоршню таблеток.

– А почему не спрашиваешь, куда иду?

– А какая разница? Чи пан, чи пропав – двичи не вмирати.

– Слышь, Стук, а откуда столько украинских пословиц набрался? – Юрий не смог сдержать улыбки. – У тебя, что на каждый случай поговорка имеется?

– Так мы ж з под Винницы, – Степан степенно погладил рыжие усы. – В Москве обжигаться и не собирался. Проездом был, когда громыхнуло. Прямо с Киевского вокзала и попал в Метро. Пришлось остаться.

– А почему Стук?

– Это когда в «очко» играешь и ставку делаешь втрое больше, чем у банкира. Стуком такая фигня называется, – ухмыльнулся Бамбуло. – Рисковый я мужик, Корнилов. Вот и прилипло.

– А профессию, как я понял, уже в Метро приобрел?

– Ага. Учителей много хороших встретить довелось. Ну и пошло-поехало. Засосало.

– Ладно, Стук, – Корнилов достал из-за пазухи карту. – Смотри. Думай. Решай.

Степан развернул карту. Долго смотрел на нее, шевелил губами и чесал затылок.

– Жуковка. Выходит и там люди живут.

– Живут. И неплохо. Даже торгуют с Метро. Как думаешь, сможем добраться?

– Это уж, как карта ляжет, – Стук в свою очередь сунул руку за пазуху, достал засаленную колоду игральных карт. – По крайней мере, я обузой для тебя не буду. Не смотри, что пока однорукий.

Он положил колоду на пол и ловко развернул ее в извилистую ленту. Еще одно почти незаметное движение и карты легли рубашкой вниз. Затем Стук вернул колоду в исходное состояние и наобум выбрал четыре карты. Все они оказались тузами. Наблюдая за каталой, Корнилов восхищенно покачивал головой. Настоящий фокусник. Если он также ловко будет управляться с пистолетом, то на самом деле обузой в пути не станет.

– Не пойму, Стук. Как тебя проиграть-то угораздило?

– На всякого мудреца довольно простоты, – вздохнул шулер и карты со звуком «фр-р-р» собрались в колоду. – Не видел ты, Юрец, настоящих фокусников. Вот, к примеру, я одного каталу недавно встречал. Крабом звали. Этот парень в большой переплет попал. Люди говаривали, что Краба птеродактиль унес. Только чудом не сожрал. Неизвестно как добрался Краб до Метро с парализованными ногами. Так он с картами такое выделявал! Даром, что калека и мозги набекрень. С закрытыми глазами этот Краб любого обыгрывал. Карточный бог.

– Ясно, бывает. Ну, а что с Жуковкой решил?

– А че решать? Иду. На людей посмотрю, себя покажу. Потопаем в твою Жуковку. Авось там и приживемся.

Стук подложил под голову свернутый в рулон брезент, растянулся на полу, зевнул.

– Давай, Юрец, покемарим часок-другой... А-а-а. Перед дорожкой.

Через пару минут Степан захрапел. Корнилов взглянул на него с завистью. У самого сна не было ни в одном глазу. Глядя на затухающие угли костра он размышлял о предстоящем путешествии. В том, что оно будет трудным сомнений не оставалось. Рассказа Стука о гибели отряда Стрелков, который толком-то не успел удалиться от Метро, было вполне достаточно для того, чтобы засомневаться в собственных силах. Что-то, пострашнее Дорогомиловского Дворника, прячется среди деревьев...

Прежде чем голова Юрия склонилась на грудь, он в последний раз взглянул на багровые уголья. Они и стали частью его беспокойного сна. Корнилову привиделась улица, сплошь забитая ржавыми каркасами автомобилей, деревья, с кронами странной формы, которые цеплялись корнями за руины домов и три ложных луны, освещавшие этот безрадостный пейзаж. Из зарослей тут и там светились красные глаза существ, которым не годился в подметки сам Великий и Ужасный Дворник. Они наблюдали и выжидали.

Впереди по улице шагал Стук. Он то и дело оборачивался, призывал Корнилова спешить, сыпал украинскими поговорками и картежными терминами. Юрий все пытался его нагнать, но из этого ничего не получалось – ноги вязли в путались в разбросанных на тротуаре человеческих останках. Руки, ноги, оторванные головы, лоскуты синей химзы, ставшей коричневой от крови. Все это хлюпало и шевелилось. Не успевал Корнилов выдернуть из жуткой жижи одну ногу, как увязала вторая. И все это – под прицелом пристальных красных глаз.

От неимоверного напряжения по лбу струился пот. Стекла противогаза запотевали сразу после того, как Юрий их протирал. Он устал бороться. Потерял всякую надежду выбраться из болота человеческих останков. Красноглазые существа мгновенно распознали изменения в настроении Корнилова. Темные кусты зашевелились. Из них высунулась голова. Вопреки ожиданиям – человеческая. Тонкая жилистая шея с выпирающим кадыком крепилась к туловищу змеи, обвиняемому дерево. Единственная рука Ивана Ивановича росла прямо из блестящей лысины. Он согнул ее, поправил указательным пальцем сползшие на кончик носа очки с красными стеклами. Монстр явно собирался сообщить своему посланцу что-то важное, но Корнилов не собирался выслушивать эти речи. Он рванул вперед и едва не рухнул – ноги не двигались. Опустив глаза, Юрий увидел, что в штанины вцепились скрюченные пальцы сразу нескольких оторванных рук с татуировками в виде двух «S».

– А ну вставай, чоловиче, третий пивень кукуриче! – объявил Иван Иванович голосом Стука.

Рука чудища коснулась плеча Корнилова. Он не успел испугаться – понимание того, что все происходящее сон пришло раньше. Юрий увидел лицо склонившегося над ним Степана.

– Вставай-вставай, – продолжал тот. – Чем так дергаться во сне, лучше уж совсем не спать. Глотни чайку.

Корнилов обвел взглядом комнату. Костер ярко пылал. Пока он спал, Степан успел притащить и расщепить на дрова новую доску. Приготовил чай, нарезал сало и даже успел нацепить на пояс ремень с кобурой.

– Наружу выходил?

– А як же? Пока все тихо. Через час стемнеет. Идти сможешь или еще денек отсидимся?

– Смогу! – Корнилов встал, потянулся, прошелся по комнате. – Нечего тут... Баклуши бить. Досидимся до того, что жратва скоро закончится.

– Це правильно, – кивнул Стук. – Тогда слушай. Расклад такой будет. По твоей карте нам до проспекта надо. Правильно?

– Ну...

– Так вот: другой дороги, кроме Большой Дорогомиловской нет. Я смотрел. Кругом завалы – черт ногу сломит. Хошь не хошь, а придется сунуться туда, где хлопчики полегли.

Стук замолк, знакомым жестом пригладил рукой усищи и устался на Юрия.

– Ну, полегли, – Корнилов присел, чтобы взять кружку с чаем, отхлебнул. – Нам-то, по твоим словам, другой дороги все равно нет. Чего тогда сопли по мордам размазывать?

– А ты тоже – мужик рискованный, – в голосе Стука слышались нотки уважения. – Согласен – деваться некуда. Одно хорошо: начеку будем. Завтракай.

Юрий с удовольствием отметил, что приглашение нашло в его душе горячий отклик. Накануне он едва смог пропихнуть в себя ломтик сала. Сейчас чувствовал в себе готовность съесть не меньше трех кусков. Появление аппетита было хорошим признаком. Несмотря на покалывание в голове, Юрий воплотил свой план в жизнь. Остановил себя лишь после того, как рука непроизвольно потянулась за четвертым куском.

Пока Стук тушил костер, Корнилов собирался в дорогу. Первым делом вставил в автомат рожок, передернул затвор. Все хорошо смазано и работало как часы, спасибо Ивану Ивановичу. Компас Юрий нацепил на запястье, фонарь прикрепил к ремню с помощью специального хомута. Одной гранатой пришлось поделиться с Стуком. Вторую «эргэшку» и пару запасных рожков, Корнилов рассовал по карманам.

Когда остальные запасы были сложены в вещмешок, Юрий собирался забросить его за спину, но Бамбуло покачал головой.

– Не-а, Юрец. Рюкзак я поволоку. Как-никак, а ты у нас – главная убойная сила.

– Спасибо за доверие.

Корнилов отдал мешок спутнику, натянул противогаз и дождался пока Стук сделает тоже самое.

– Ну, готов?

– С Богом. Спасибо этому дому...

Ночь была безлунной, поэтому оба фонаря пришлось включить сразу. Корнилов был не против того, чтобы Стук пошел первым. Он лучше ориентировался, а главное – знал места, к которым лучше не приближаться.

Пейзажи, выхватываемые из темноты лучами фонарей, разнообразием не отличались – руины, руины и еще раз руины. От домов на обеих сторонах улицы остались в лучшем случае только первые этажи. Точнее их фасады. Они выглядели, как театральные декорации призванные прикрывать собой задник сцены – нагромождение рухнувших строительных конструкций, успевших обрости диковинными растениями, превративших простое скопление мусора

в отдельную, живущую по своим законам, биологическую среду. Юрий видел, как шевелятся стебли сорняков неизвестной породы. Поначалу он думал, что способностью двигаться обладают сами растения. Но вот конус света упал на черного жука, поспешно скрывшегося от фонаря в хитросплетениях стеблей. Через пару минут Юрий увидел еще одного жука. На этот раз – размером с подростка, но еще превратившегося в кошку котенка. Он тоже поспешно спрятался. Корнилову удалось разглядеть лишь шесть суставчатых, мохнатых лап.

В конце концов, жуки, попадавшие на каждом шагу, перестали удивлять. Тем более, что они не проявляли признаков агрессивности. Юрия ждало куда более интересное и величественное зрелище, открывшееся в конце улицы. Ветер, поднимавший днем тучи пыли, стих. Серые облака рассеялись, открыв взгляду шесть небоскребов. Здания из стекла и бетона, своеобразные памятники человеческому тщеславию, хоть и выстояли, но имели жалкий вид. То, чего не смогла сделать взрывная волна, успешно довершили дожди и ветра. Они оставили на небоскребах глубокие зазубрины с неровными краями, стерли все воспоминания о некогда строгих геометрических формах, превратив творения архитектуры в сюрреалистические скалы.

Корнилов так увлекся их созерцанием, что не сразу увидел, как Стук подает ему знаки. Он указывал на проем между двумя зданиями. Там разрослись настоящие джунгли. Станным деревьям с тонкими, белесыми стволами было тесно. Казалось, они отталкивали друг дружку в неустанной борьбе за жизненное пространство. Листья их, коричневые, сморщенные, большей частью свернутые в трубки, выглядели мертвыми. Уже один вид этих растений внушал отвращение. Корнилов направил фонарик на противоположную сторону улицы. Довольно чистый, хоть и потрескавшийся тротуар рядом с домом, от которого остался только каркас – бетонные столбы-стойки да плиты межэтажных перекрытий.

Юрий собирался отступить на казавшийся вполне безопасным тротуар. Однако Стук оставался на месте. Упорно продолжал подавать знаки, смысла которых Корнилов так и не понял. Черт бы подрал Бамбуло! Что ему надо? Вместо того, чтобы быстро пройти опасный участок он устроил концерт. Скрипнув зубами от злости, Юрий подошел к Степану.

– Ну?

– Живой. Он – живой. Сам полюбуйся. Полный марафет.

Только теперь с близкого расстояния Юрий увидел то, что взволновало Стука. Между фонарным столбом и массивной бетонной урной сидел человек в костюме химзащиты синего цвета. На вытянутых ногах его лежал «калаш» с откидным металлическим прикладом и противогаз. В одной руке незнакомец сжимал нож. Он медленно и ритмично кивал бритой головой. Так, словно читал молитву.

– Что с ним? – спросил Юрий, хотя заранее знал, что нужного ответа у Степана нет.

– Откуда мне знать? – Стук расстегнул кобуру, вытащил «макаров» и навел ствол на мужчину. – Эй ты, чего расселся?

Парень в синем медленно поднял голову. Глаза его были пустыми, по губам блуждала сумасшедшая улыбка. Кровь из глубокой раны на щеке залила грудь.

– Эй, ты меня слышишь?! – нетерпеливо спросил Стук. – Говори или получишь пулю в лоб!

С таким успехом можно было угрожать и фонарному столбу. Незнакомец вновь опустил голову и принялся ею кивать.

– Степан, если он потянется к автомату – стреляй, – Корнилов двинулся вперед и остановился в метре от незнакомца. – Парень, ты меня слышишь?

– Лемур, – раздалось в ответ. – Ты пришел за мной?

– Никакой я не лемур. Человек. Разве не видно?

– Лемур, я тебя узнал, – мужчина смерил Юрия недоверчивым взглядом. – Сожрал всех. Приперся за мной?

– Кто кого сожрал?

Корнилов понял две вещи. Первая – он говорит с человеком, спятившим от страха. Вторая – поблизости нет останков. А ведь, по словам Стука, здесь разыгрался нешуточный бой. Спрашивается: где трупы и оружие?

– Проклятый лемур, – опять завел свою песню сумасшедший. – Надеешься взять меня живым? Не выйдет!

Последнюю фразу идиот провизжал с такой силой, что у Юрия заложило уши. Прежде чем он успел что-то сделать, сумасшедший откинул голову и полоснул себя ножом по горлу. Если бы Юрий машинально не попятился, то оказался бы забрызганным кровью.

– Л-л-ле-ур-рр, – прохрипел самоубийца, заваливаясь на спину. – Л-л-л...

Ноги его несколько раз судорожно дернулись. «Калаш» с лязгом ударился о мусорную урну и упал на асфальт. Незнакомец затих. Все кончено.

Глава 6. Ареал обитания

– Вот это номер! Как у нас, катал, говорят: разделся до кишков!

Корнилов не обратил внимания на восклицание Стука. Он поднял автомат, забросил на плечо и провел лучам по зарослям белесых стволов. Ничего. Ни демонов с красными глазами, ни лемуров, готовых кого-то сожрать. Сумасшедший бредил. Лемуры существовали лишь в его воспаленном воображении. Ничего не попишешь – парень не меньше двух суток провел на улице. Сдвинулся по фазе, когда погибли его дружки. Убийцы убрались восвояси, а жертва, оставленная по неизвестным причинам в живых, потеряла разум. Юрий не испытывал жалости к Стрелку, но не мог внутренне не содрогаться от такой жуткой и нелепой смерти.

– Он что-то говорил? – спросил Бамбуло, напряженно вглядываясь в заросли. – О чем вы с ним болтали?

– О лемурах...

– О, черт! Это о тех, кто населял планету до людей и питался солнечным светом через седьмой позвонок?

– Где ты набрался этой ерунды? Лемуры они... Ну, как обезьяны.

– Ага. Пойдем отсюда, Юрок. Обезьяны, не обезьян. И зачем только этот урод мне на глаза попался? Не мела баба клопота – купила порося!

– Согласен, – кивнул Корнилов. – Уходим.

Они были на середине улицы, когда услышали странный звук. Что-то очень похожее на голубиное воркование. Корнилов и Стук одновременно обернулись. Между белесых стволов что-то мелькнуло. Опять воркование. Ствол обхватила тонкая и гибкая лапа какого-то животного. Она была покрыта полосками черно-белой шерсти. Юрий вскинул автомат, прижал его к плечу и поймал существо в прицел. Ур-ур-ур. В нежном ворковании не было угрозы, но Корнилов продолжал целиться в животное. Оно, наконец, показалось полностью. Тонкое, почти плоское тело, маленькая голова с плотно прижатыми к черепу ушами, гибкий, пушистый хвост, раскраска в черно-белые поперечные полосы. Обезьяна? Может быть. Хотя лемур – более подходящее название.

Одним прыжком существо оказалось рядом с трупом Стрелка. Наклонилось и обнюхало неподвижное тело. Затем подняло глаза. Большие и оранжевые они лучились такой добротой и беззащитностью, что Юрий невольно опустил автомат. Лемур воспринял этот жест, как проявление доброй воли. Оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, он мягко приземлился на асфальт всего в паре метров от Корнилова. Ур-ур. Лемур раскрыл рот, обнажив ряд мелких белых зубов и розовый, как у котенка язык. Чем он мог так напугать Стрелка, довести до сумасшествия? Какая-то чушь. Юрий испытывал лишь одно желание – подойти и погладить лемура по гибкой, покрытой мягкой шерстью спине. Радиация, оказывается, была способна порождать не только монстров, но и вполне безобидных, даже милых существ. Лемуры выживали за счет того, что прятались в непроходимых зарослях деревьев с белесыми стволами и коричневыми листьями. Эти зверьки, конечно же, были травоядными и вовсе не нападали на отряд Стрелков. Парней убили другие существа...

Юрий сделал шаг навстречу лемуру. Животное присело и комично прикрыло глаза передними лапами. Ага. Лемур – ночное животное и ему, конечно же, мешает свет фонаря. Корнилов щелкнул выключателем. Фонарь потух. Лемур опустил лапы. Ур-ур-ур.

– Не подходи к нему, Корнилов, – раздался за спиной дрожащий голос Стука. – Не прикасайся к этой твари.

– Не пори чушь, Степан, – отмахнулся Юрий. – Тут нечего бояться.

Он присел на корточки.

– Ну, иди поближе, малыш.

Не спуская с человека больших, добрых глаз, лемур медленно приблизился. Присел, используя для опоры свой большой пушистый хвост. Чуть заметно дернулся, когда Юрий протянул к нему руку, но все наклонил голову, позволяя человеку себя погладить.

– Так-так. Ну, рассказывай, как поживаешь?

– Ур-ур, – лемур протянул лапу и осторожно коснулся противогаза, закрывавшего лицо Корнилова. – Ур-р-р...

Контакт был налажен. Юрий без страха смотрел, как из джунглей белесых деревьев появляются новые зверьки. Осмелели. Может, рассчитывают получить от людей что-нибудь съедобное? Он встал и обернулся к Стуку.

– Че дергаешься? Бояться не...

– Сзади! – завопил Бамбуло. – Сзади!

Еще не успев стереть с лица улыбку умиления, Корнилов обернулся. В нескольких сантиметрах от его лица воздух рассекла покрытая черно-белой шерстью лапа. Теперь она была увенчана парой длинных, серповидных когтей. Ур-р-р! Лемур вновь взмахнул лапой, целясь Юрию в грудь. Вот оно что! В подушках гибких и безобидных на вид лап лемур прятал страшное оружие!

Корнилов попятился, угодил ногами в глубокую выбоину на асфальте и рухнул на спину. Лемур моментально оказался у него на груди. Легкий, почти невесомый. С добрыми, наивными глазами. Зверек вновь замахнулся для последнего, решающего удара. В момент прощания с жизнью Юрию стало понятно все. Лемуры пользовались своей безобидной внешностью, чтобы их подпускали на близкое расстояние. Дальше в ход шли когти-серпы и...

Прогремел выстрел. Маленькая голова чудовища разлетелась на куски. Розовая жижа мозгов забрызгала стекла противогаза. Ослепленный Юрий, отталкиваясь руками и ногами, пытался отползти на противоположную сторону улицы. Прогремело еще три выстрела. Сильная рука схватила Корнилова за плечо, рывком поставила на ноги.

– Стреляй! – заорал на самое ухо Стук. – Стреляй, чтоб тебе пусто было!

Корнилов протер стекла противогаза. Открывшаяся ему картина повергала в шок. Безостановочно воркуя, сквозь заросли протискивались лемуры. Десять, двадцать, тридцать... Часть животных сгрудилась вокруг мертвого Стелка. Замелькали лапы. Раздался хруст раздираемой ткани. Совместными усилиями хвостатые монстры вспороли мертвецу грудь. В разные стороны полетели ошметки внутренностей. Продолжая ворковать, лемуры трясли головами, вгрызаясь в мертвую плоть.

Отвращение помогло Юрию выйти из ступора. Он вскинул автомат. Громыкнула очередь. Несколько прошитых свинцов лемуров распластались на асфальте. Остальные оставили труп в покое. Не меньше сорока пар больших глаз уставились на людей. Ур-р-р! Вперед выскочил крупный зверь. Разинул испачканный кровью рот. Ур-р-р! Вожак стаи взмахнул лапой. Повинуясь этому сигналу, лемуры ринулись в атаку. Корнилов продолжал давить на курок, однако это не останавливало маленьких чудищ. Прыгая по трупам товарищей, они неумолимо приближались.

Юрий и сам не заметил, как оказался на тротуаре. Он обернулся. Стук карабкался по груди кирпичей вверх. Прежде чем последовать его примеру, Корнилов выпустил еще одну очередь. Два ближайших лемура рухнули к его ногам.

– Сюда, сюда, Корнилов!

Бамбуло уже сидел на плите перекрытия и торопливо перезаряжал пистолет. Причем из-за больной руки никак не мог вставить обойму. Юрий понял, что рассчитывать ему придется лишь на самого себя.

Подолы сапог скользили по крошеву кирпича. Раза два Корнилов был близок к тому, чтобы ухватиться за плиту, но постоянно сползал вниз. Мягкие шлепки прыгающих лемуров

слышались совсем рядом. Они не позволят ему взобраться наверх. Вытащат на середину улицы и сделают тоже, что со Стрелком.

Степан оставил попытки перезарядить пистолет. Лег на плиту и протянул Юрию руку. Очень вовремя – Корнилов уже чувствовал прикосновения к ногам мягких лап. Он вцепился в пальцы Стука, подтянулся и, наконец, взобрался на плиту. Ну, теперь все. Есть хорошая позиция, патроны и цели. Он будет косить лемуров до тех пор, пока не устелет ковром мертвых тварей всю улицу. Юрий перекатился, лег, навел автомат в голову первого преследователя. Точно между парой оранжевых глаз. Выстрел. Корнилов ожидал, что голова лемура разлетится на куски, но этого не произошло. Еще одно нажатие на курок и... Нулевой эффект. Лемур вцепился в ствол “калаша”, потянул оружие к себе. Юрий отпустил автомат – в пылу боя он израсходовал все патроны, но до рукопашной еще далеко. Корнилов привстал и с колена выпустил очередь из автомата самоубийцы. Ур-р-р-р... Лемур скатился вниз. Прямо под ноги своих собратьев. Они замешкались. Корнилов использовал паузу для того, чтобы помочь перезарядить пистолет Степану.

Новую атаку лемуров они встретили шквальным огнем. Звери быстро поняли, что переть на рожон себе дороже. Размахивая лапами, вожак что-то проурчал и его черно-белое воинство отступило. Звери сбились в кучу на другой стороне улицы. Размахивали лапами, и трясли головами. Казалось, будто они что-то оживленно обсуждают.

– Надо уходить, – пробурчал Стук, внимательно наблюдая за совещанием лемуров. – Их слишком много. Даже истратив все боеприпасы, мы не сможем положить и половину...

– Надо, – согласился Корнилов. – Они возвращаются.

Лемуры на самом деле возвращались. Ласковые убийцы, вне всяких сомнений, обладали, зачатками интеллекта. Теперь они не собирались идти навстречу пулям всей толпой. Разделились на две половины и принялись обходить дом с двух сторон. У Юрия чесались руки снять жожака, но хитрая бестия пряталась за спинами рядовых лемуров. Наблюдая за Корниловым, то поднимавшим, то опускавшим автомат, Стук покачал головой.

– Не трэба. Не стоит их злить. Давай просто тихонечко смоемся. Может, они не могут уходить далеко от...

А ведь Стук прав. Есть такое понятие – ареал обитания. Юрию вспомнился рассказ одного ученого, поставившего перед собой цель изучить новые формы жизни. Бывший академик был большим оптимистом и утверждал, что несмотря на все изменения, которые претерпел мир, эволюция продолжает идти тем же путем. Новые виды подчиняются тем же неизбывным правилам. Человек перестал быть хозяином планеты, но это вовсе не означало, что мир полетел в тартарары. Основные законы, определившие расцвет и гибель цивилизации, по-прежнему действуют, просто центр тяжести сместился в сторону других, более приспособленным к измененным условиям жизни существам. Крысы вертятся у своего гнезда, расположенного в подвале девятиэтажки. Лемуры будут держаться милых их сердцам джунглей.

– Твоими бы устами, да мед пить, – Корнилов опустил автомат, отметив про себя, что под влиянием Степана сам начал говорить пословицами. – Пошли.

Дом, в который загнали Юрия и Степана лемуры располагался к Большой Дорогомиловской под прямым углом. Длинная его сторона соединяла две параллельных улицы.

Шагая между голых бетонных стен, разрисованных поблекшими граффити, Корнилов пришел к выводу: строение не подверглось удару взрывной волны. Просто его не успели достроить. В пользу этой теории говорили сложенные в пакеты кирпичи, доски для опалубки, груды арматуры, мотки проволоки и прочая строительная хрень. Ряды бетонных столбов прекрасно подходили для того, что прятаться и вести огонь по противнику. Который, кстати не заставил себя ждать. Со стороны улицы слышались мягкие шлепки и воркование лемуров.

Бамбуло выругался, споткнувшись о разбитую бутылку. Отшвырнул ее ногой, собираясь идти дальше, но Юрий остановился.

– Ты чего? – удивился Степан.

– Есть одна идея, – Корнилов поднял бутылку. – Сам Бог велит устроить нашим друзьям сюрприз.

– Растяжка?

– Она самая. Мне нужен кусок проволоки примерно такой длины, – Юрий прочертил в воздухе линию, соединяющую два соседних столба. – И побыстрее. Лемуры, кажется, не собираются оставаться в своем ареале обитания.

Пока Стук бегал за проволокой, Корнилов колдовал над горлышком бутылки и гранатой. О минах-ловушках он знал немало. Во время войны в Метро сам однажды едва не подорвался на одной. Его всего на долю секунды опередил другой парень. \

И, разлетевшимися во все стороны гвоздями, ему снесло половину лица. Правда, та мина была куда хитрее ловушки, которую Корнилов собирался устроить сейчас. Называлась «ежиком». Для ее изготовления требовались электродетонатор, шипы, пластилин и ямка в земле. Ни одной из этих составляющих под рукой не было. Да и обрывок стальной проволоки, который приволок Стук, был слишком толстым. Ничего. В конце концов, лемуры – всего лишь животные. Они не могут быть настолько умны, чтобы понять назначение растяжки. Или могут?

– Сейчас узнаем, – пробормотал Корнилов себе под нос. – Стук, не дергай фонариком. Свети нормально, если не хочешь, чтобы мы оба взлетели на воздух!

Через пару минут растяжка была готова. Оставалось лишь спрятаться, а потом ждать и надеется, что лемуры выберут нужную дорогу.

Юрий и Стук притаились за пакетом кирпичей. Лемуры не заставим себя ждать. Первым из темноты вынырнул вожак. Он изменил тактику и теперь прыгал во главе своего отряда, постоянно пригнувшись и озираясь по сторонам. Корнилов про себя считал метры, разделявшего лемура и растяжку. Десять, пять, три, один... Вожак одним прыжком перемахнул через проволоку, приземлился на четыре конечности и обернулся.

– Ур-р-р-р!

Юрий готов плюнуть от ярости, но вовремя остановился, вспомнив, что он в противогазе. Проклятый лемур не повелся на хитрость. Теперь предупреждает дружков об опасности. Что ж, братан. Это "ур-р-р-р" станет для тебя последним. Юрий хладнокровно передвинул флажок "калаша" на стрельбу одиночными выстрелами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.